

ЛЕЙЛА ЭЛОРАБИ САЛЕМ

**Два брата: век
опричнины**

Лейла Салем

Два брата: век опричнины

«Издательские решения»

Салем Л. Э.

Два брата: век опричнины / Л. Э. Салем — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835702-2

Средневековая Русь — страшное, но интересное время. Роман повествует о двух родных братьях, живших во времена кровавой опричнины. Младший Александр пошел по стопам отца — жестокого и безжалостного опричника. Старший же Андрей лишил себя всего ради добра. Как-то пересекутся их пути?

ISBN 978-5-44-835702-2

© Салем Л. Э.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Два брата: век опричнины

Лейла Элораби Салем

© Лейла Элораби Салем, 2016

ISBN 978-5-4483-5702-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Россия, 1565 год

Ночь стояла тихая, где-то далеко лаяла бродячая собака, улицы были пусты, если не считать двух часовых с бердыщами на плечах, чья служба состояла в усмотрении за порядком в ночное время. Толстые, обитые железом, ворота защищали двory бояр и дворян от татей и лиходеев не хуже огромных собак, что охраняли покой своих именитых хозяев.

Вдруг неожиданно раздался треск ветки – ночью в полной тишине это был значительный звук, чтобы услышать его, потом донеслись торопливые шаги, во дворе залаяли собаки, из сеней, что примыкали к большому дому, выбежала фигура и что-то прокричала, в ответ был услышан свист. На какое-то мгновение, длившееся не более трех секунд, нависла мертвая тишина, потом снова донеслись шаги, кто-то злобно выругался, к высокой ограде побежали два больших пса. Окружив высокое дерево, они принялись злобно лаять и рычать. Прибежавшие на шум трое мужчин в накинутых поверх рубах кафтанах, потрясли дерево. С крайней ветке, что свисала над забором, упал на землю к их ногам человек. Один из мужчин посвятил его факелом и с усмешкой пнул ногой. Упавший оказался совсем молодым человеком, не более двадцати лет. Он попытался было подняться на ноги, но три пары рук сжали его члены и поволокли в дом.

– Что, не смог убежать от расправы, тать поганный? – прохрипел один из мужчин, обличем похожий на межведя – такой же огромные и сильный.

– Сейчас вот наш хозяин Никита Федорович потолкует с тобой о жизни, вскинет на сук, вдругорядь неповадно будет на чужое добро зыриться, – сказал другой, помоложе и меньше ростом, чем первый.

Парень, не смотря на падение, старался не проронить ни слова. Он понимал, что брыкаться, звать на помощь бесполезно, его сил не хватит на троих, а коли так, то лучше вообще не думать о случившемся, а просто дождаться своей участи. Как же так, вертелось у него в голове, неужто Андрей не позаботился о его и своей безопасности, неужто не приказал сторожку оставаться в тени и держать собак на привязи? Выходит, слово Андрея не имеет здесь никакой силы?

Несчастливого избитого юношу внесли в горницу и усадили на длинную скамью. Молодец огляделся вокруг, не понимая, где находится: посередине стоял высокий стол с резными ножками, вокруг него две скамьи, застеленные красным сукном, в углу висели образы святых, а подле них горели церковные свечи. В комнате было душно, однако юношу прорбирали озноб от одной мысли – сколько часов ему осталось жить на этом свете.

Боковая дверь, что вела в иные комнаты, со скрипом отворилась и в горницу ступил, тяжело переставляя ноги, седовласый, еще не старый мужчина среднего роста, его покрасневшее от жары лицо, на котором особенно выделялись пара карих пронзительных глаз из-под нависших бровей. Три стража низко склонились пред ним, один из, тот, что похож на медведя, указал корявым пальцем в сторону вора и низким голосом проговорил:

– Вот, князь, татя ночного поймали, самолично на крома твои позарился, да стражка вовремя спохватился.

Вошедший, коим оказался Ташеев Никита Федорович, уселся на скамью за стол, взял в руки яблоко и одним взмахом ножа разрубил его пополам, одна половика укатилась со стола, другую он начал жевать. Юноша все время косо посматривал то на него, то на нож, блестящий в его руках.

– Говори, – выдавил из себя Никита Федорович, обращаясь к молодому человеку, – кто таков? Чего тебе в моем доме надобно?

– Азь есьм Олешка, вдовый сын.

«Медведь» хохнул, Никита Федорович стукнул по столу, кувшин, что стоял рядом, упал и из него вытекла вода. Князь не обратил на это внимания, его взгляд был прикован к испуганному лицу незадачливого вора, особенно выделялись на фоне белой кожи красивые, большие ярко-голубые глаза, осененные длинными ресницами.

– Ты мне лучше скажи, отрок неразумный, почто в дом мой полез? Чего ты выкрасть хотел, тать окоянный, холоп презренный?

Не успел Олешка промолвить и слова, как двое руслых мужа подняли его и повалили на пол, один из них больно скрутил за спиной руки и прошептал на ухо:

– Говори правду, пёс смердячий, покуда жив! А не то на кол тебя посадим, нутро все твое вывернем наизнанку!

Никита Федорович встал и подошел к несчастному. Тот из-за дикой боли не мог проронить ни слова.

– Почто молчишь, аль язык проглотил? – спросил он.

Юноша застонал от боли, ему показалось, что ему ломают сухожилия. «Медведь» навалился на него всем своим огромным телом и принялся выкручивать ему пальцы. Олеша закричал, его крик раздался по всему дому, оставшаяся в горнице на втором этаже Марфа Егоровна – Никиты Федоровича жена, прижала сжатые кулаки к губам и тихо прошептала: «Господи, спаси и помилуй». В комнату ее бесшумно вошел старший сын Андрей в ночной длинной рубахе. Юноша опустился подле матери, положил голову на ее колени и сказал только одно слово:

– Мама...

– Молись, сыночка мой. Молись, мой родимый, – сквозь слезы проговорила женщина, глядя шелковистые его волосы.

В горнице продолжался допрос. Никита Федорович наблюдал со стороны мытарства Олеша, время от времени почесывая широкую бороду. Будучи одним из опричников из личной охраны государя Ивана Грозного, многое на свете повидал он, много крови видел он, много смертей. Сам, бывало, иной раз прикладывал раскаленное железо к телу пойманного смутьяна, и рука его не дрогнула, когда он плоть разрезал ножом большим, что всякое время носил с собой.

«Медведь», не видя иного способа, как выпытать правды из вора, со всей своей медвежьей силой стукнул того по почкам. Олеша широко раскрыл глаза, изо рта у него вырвалось нечто наподобие хрипа, он даже не закричал. Медведь хотел стукнуть его во второй раз, но его остановила рука князя.

– Довольно, Путята, негоже бить мальчика, а то так он и дух испустит, а мне надо его в живых оставить да разобраться во всем, – Никита Федорович подошел к Олеше, который смотрел на него снизу вверх мутным взором. Князь носком своего сапога приподнял его подбородок и наклонился так, дабы тот слышал слова, обращенные к нему. – Баяти (на старорус. говорить), что ведомо тебе, негоже пред князем запираяться, а ежели правду не рекешь, так я тебя поставлю народу православному на посрамление и к вящему страху.

Такие угрозы подействовали на юношу сильнее, нежели тысячи ударов. Уж если опричник задумал известить кого, так спуску не даст, а своего добьется. Но не ради себя решился Олеша на признание, а ради матери, которая дожидается его, сидя в их ветхом домишке. И лишь только из-за нее, родной, доброй, он исполнит приказ князя:

– Княже, дай испить водицы, мочи нет, – молодой человек приподнялся на локтях, и когда один из охраны поднес к его пересохшим губам кружку родниковой воды, он с жадностью испил ее до последней капли, затем вытер окровавленный нос рукавом и рек, – не по своему умыслу я решился на сие деяние, но приказал мне это сделать Кулаков Иван Семенович, чей дом находится по другую сторону улицы. Это он приказал мне взять у тебя из амбара мешки с зерном и мукой, а для чего они понадобились, того не доложил.

Никита Федорович переглянулся взглядом с Путятой, который в это время разминал огромные кисти рук, готовый ударить каждого лишь по мановению руки своего хозяина. Князь уселся на скамью, достал из за пазухи короткий кинжал из серебра и сказал:

– Так-так, значит, уже и купец позарился на мое добро. Ин ладно, соберу своих и поедем проведемся к Ивану, заодно на женку его поглядим. Как тебе такое, Путятя, а?

– Всегда готов, княже! Лишь прикажи.

– Вот приказ мой: собери человек шесть, более не надобно да по коням, ежели спрашивать будут, что да как, скажи, на охоту князь собирается, а далее язык за зубами держи.

– А с этим холопом что делать? – указал Путятя в сторону Олеша.

– Проводи его до ворот, а там пусть убирается во свояси.

«Медведь» легко, словно пушинку, приподнял с пола юношу и выставил его из дома. Тот, дрожа всем телом, не веря, что остался жив, лишь мельком взглянул на Путятя, тот грозно проговорил:

– Иди, пока шкуру с тебя не сняли! – и громко расхохотался, и от этого хохота Олеше стало не по себе.

Двое молодцев, что стояли возле ворот, схватили юношу за ворот рубахи и с силой бросили его на проезжую улицу, что вела мимо спящих домов. Потирая ушибленные локти, Олеша побрел к своему дому, прихрамывая на левую ногу. Что скажет матушка, увидев его в таком виде: избитого, в разорванной рубахе? Учинит ли ему новый допрос или же горько заплачет? И то, и другое было невыносимо для него.

Князь Никита Федорович в окружении личных людей, среди которых был и Путятя, ехал к дому купца Ивана Семеновича, нахлестывая коня. На всадниках была одежда из грубого сукна, к седлу прикреплена собачья голова и метла – так одевались опричники, верные псы государева, которые вызывали страх у каждого, кто видел их. Никита Федорович первый подъехал к большому деревянному дому, окруженного со всех сторон деревьями. Он дал знак верному Путятю; тот довольно улыбнулся и одним ударом вышиб дверь. Где-то неподалеку залаяла собака, видно, держал ее купец для охраны. Один из людей князя метнул в нее топор, который раскрошил собаке череп. Из дома донеслись женский крик и возгласы мужчины:

– Что же вы делаете-то, окаянные? Почто Бога не боитесь, кровь православную проливаете?

Путятя вынес на руках дергающуюся молодую простоволосую женщины в порванной ночной рубахе и бросил ее на землю. Женщина закричала и позвала на помощь мужа, который выбежал на ее крик, но был сшиб ударом кулака одного из опричников. Никита Федорович подошел к нему и спросил:

– Говорить правду будешь или же на кол сразу?

Иван Семенович мутным взором осмотрелся по сторонам, его губы дрожали от страха. Мельком он взглянул туда, где лежала его жена, с которой Путятя сорвал всю одежду и растрепал волосы.

– Гляди, князь, – воскликнул «медведь» и схватил женщину на лицо, – хороша баба, а? Дашь нам позабавиться с ней или же себе оставишь?

Раздался взрыв смеха. Иван Семенович со слезами на глазах схватил полу одежды князя и воскликнул:

– Проси, требуй, чего хочешь, все, что у меня есть, отдам! Только Прасковьюшку мою оставь при мне, прикажи не трогать ее!

Никита Федорович без сожаления смотрел на него, в голове у него зародился дьявольский план. Приказав купцу подняться, он взял его под локоть и проговорил:

– Видишь ли, Иван Семенович, сколько лет знаю тебя, думал раньше, что ты муж хороший, не тать какой-нибудь и не лиходей, а сегодня ночью молодцы мои вора поймали, кото-

рый хотел у меня в амбаре поживиться, да только отрок тот малодушен оказался, на тебя указал после нескольких ударов. А я как услышал такое, дай, думаю, загляну в гости к тебе, чай, соседи, живем не по далеку.

Купец от этих слов вздрогнул, по спине пробежал холодок. Все, вроде предусмотрел он, и юнца ловкого нашел, а тот не справился с его приказом. И тут иная картина встала пред его мысленным взором: стоит он посреди своей горницы и глядит пристально в лицо Андрея, сын этого самого Никиты Федоровича, который слезно умолял его:

– Прошу тебя, Иван Семенович, сделай доброе дело, не ради себя ведь прошу же тебя. Слыхал ты, как отец мой одного дворянина у того дома зарубил, детей его сиротами оставил, все, что у них было, забрал себе, а как быть семье того погибшего? Вот и порешил я, что негоже оставлять вдов и сирот на произвол судьбы, надобно отнятое у них добро вернуть, чтобы детки малые не голодали. Бог простит тебе грехи, ежели поможешь мне.

– Почему тогда ты сам не вернешь им муку и зерно, а меня втягиваешь в это дело?

– Не могу я, сам ведаешь, что отец мой косо на меня посматривает, шагу ступить не дает. Ежели я сам решусь на подобное, то ни меня, ни вдову ту, ни детей не пощадят. Ты сам знаешь моего отца. Прошу только об одном, найти человека, который сможет ночью тайком пробраться в наш амбар и вытащить три мешка, посули ему хорошую оплату, только помоги.

– А коли поймают да дознаются, что мною послан, тогда что?

– В любом случае молчи. Руки будут ломать – молчи, железо прикладывать – молчи, пальцы отрезать – молчи. Своим признанием ты себя не спасешь, а только нас всех погубишь.

– Вона как! Я, значит, должен рисковать своей жизнью ради кого-то, а ты сухим из воды решил выйти. Нет, – купец протянул ему мешочек с деньгами и добавил, – нет, не буду помогать, не хочу погибать от рук убийц. Твой отец, вот и решай с ним вопросы сам, а меня оставь в покое.

Андрей опустил голову и направился к выходу, деньги свои так и не взял. Он уже готов был уйти, как Иван Семенович вдруг остановил его:

– Погодь, Андрей. Сколько детей осталось у того дворянина?

– Пятеро. Сейчас они голодают.

Эти слова возымели большую силу, нежели мешочек с деньгами. Купец какое-то время обдумывал что-то в голове, а потом махнул рукой:

– Ин ладно, так уж и быть, пособию. Только вдругорядь на меня не рассчитывай.

– Спасибо тебе, – только и нашел, что сказать Андрей и тяжелой поступью спустился по ступенькам во двор, по которому бегали, кудахча, курицы. Собака громко и злобно залаяла.

– Замолчь ты, окаянная! – вскрикнул на нее Иван Семенович, который вышел, дабы проводить тайного гостя до ворот.

С того дня прошла неделя. Думал ли купец, что попадет в руки Никиты Федоровича в ту же ночь, когда поручил Олеше обокрасть князя? Теперь вон и Прасковьюшку замучают, а самого его на дыбы. Эх, зря все таки согласился – и детям не помог, и себе жизнь укоротил.

– Так ты скажешь, почто тятя окаянного к моему дому направил или же, – он мотнул головой в сторону отчаянно визжавшей Прасковьи, на которую навалился всем телом Путята, остальные с хохотом и словами непотребными держали ее ноги, дабы она не брыкалась.

– Княже, прошу тебя, Богом заклинаю, прикажи отпустить Прасковьюшку, неужто она вызывает опасение у тебя?

– Какая мне-то разница?! Бабы чай все говорливы, чего узнают, то всему свету разбалтают, а мне этого не надобно, понимаешь? – Никита Федорович вдруг оборвал речь и обратился к Путяту. – Ты уж, дружок, полегче там, а то баба визжит как будто ее режут, а то разбудит все округу, потом стыд и срам мне.

– Да что ж я, князюшка, поделаю, коль уд мой как у жеребца, а баба красую лепа, кровь так и греет.

– Ну тогда заткните ей чем-нибудь рот, слышать ее не могу!

Один из верных людей князя засунул в рот Прасковьи траву, та захрипела, пытаясь выплюнуть ее, но тяжелая мужская рука плотно сжала ей губы и женщина не поняла, как лишилась чувств.

– Вы убили ее! – закричал Иван Семенович и вскочил на ноги.

Никита Федорович успел перехватить его и кулаком стукнул по спине. Потеряв равновесие, купец упал с крыльца прямо на траву, где неподалеку лежал окровавленный труп собаки. Он протянул руку в сторону Путяты и промолвил:

– Пожалуйста, оставь мою Прасковьюшку, вы и так убили ее.

– Да жива твоя баба, жива! – закричал на него «медведь». – Чего кручинишься, как дева? Чай, сам с Прасковьей спишь, а нам нельзя что ли? И с чего ей вдруг умирать, от плотских утех?

Купец заплакал. В его душе родилась жалость к себе, своей жене, собаке, к той кручине, что произошло с ним? И стоило ли ради чужих детей, коих он никогда не знал и не видел, так рисковать собственной жизнью, жизнью супруги, которую любил более, чем кого либо? Не заметил он, как двое рослых мужей связали ему руки и поволокли по мягкой траве. Иван Семенович даже не упирался, не кричал, но только тихо твердил молитву, призывая Бога помочь если не ему, то хотя бы его семье.

Двое опричников уселись на лошадей и с упоением посмотрели в ту сторону, где на земле осталась лежать Прасковья. Женщина очнулась и при виде склоненного над ней лица Путяты истоично вскрикнула. Увесистый кулак «медведя» заставил ее снова замолчать.

Иван Семенович открыл рот, но изо рта вырвалось лишь хриплое дыхание. Остальные собравшиеся во дворе при виде лежащей неподвижно нагой женщины громко расхохотались, и лишь гневный окрик Никиты Федоровича, отдавшего приказ убираться восвояси, заставил их замолчать и садиться на коней. Купец все еще стоял со связанными руками и не мигая глядел на жену, которую даже не прикрыли чем-либо. Но когда веревку, стягивающую его кисти рук, начали привязывать к седлу, он закричал что есть мочи, не задумываясь о сказанных словах:

– Почто вы, бесы, Прасковьюшку без вины убили? Будьте вы прокляты, мужеложцы поганые, крамольники безбожные! Вы предаетесь блуду, а по ночам от жен своих рукоблудствуете! Гнев Божий падет на вас, тати-лиходеи!

Никита Федорович стремительной походкой, не смотря на возраст, подошел к нему и наотмаш ударил по лицу, потом еще и еще, до тех пор, пока из носа и губы не потекла струйкой кровь. Взмахом руки князь призвал к себе верного Путятю и сказал:

– Сделай так, дабы он замолчал навеки, но не убивай.

«Медведь» вместе с еще одним товарищем оттащили поотдадь избитого купца, один наступил несчастному на горло, а второй, достав из сапога маленький острый ножик, открыл насильно ему рот и, злорадно посмеиваясь, отрезал язык. Не имея возможности прикрыть рот, из которого брызгала темная кровь, Иван Семенович замычал, что вызвало новую волну смеха у опричников.

Князь еще раз оглядел двор и заметил Петра, гонящегося за курицей, которая громко кудахча, убегала от преследователя.

– А ну-ка, поди сюда, тварь бессловесная! – кричал Петр на курицу.

– Эй, Петрушка, ты чего там делаешь? Давай собирайся в дорогу, – крикнул ему без злобы Никита Федорович.

Петру, наконец-то, удалось поймать птицу, и с веселым смехом он приторочил ее к седлу рядом с собачьей головой. Ивана Семеновича уложил поперек седла Путятя, чьи руки были забрызганы кровью. Воронье кони взметнули тучи пыли, когда поскакал прочь от дома купца.

Скакали долго. Иван Семенович потерял сознание и потому не видел, куда и зачем его везут. Наконец, после бешеной скачки кони остановились подле реки, что протекала рядом с березовой рощью. Никита Федорович спрыгнул на землю и остановился на ее берегу, его

взор блуждал по предрассветному небу, зеленым лугам на том берегу. Князь устало опустился на землю и прислонился спиной к березке. Он помнил здешние места еще с отрочества, когда отец его получил за верную службу от царя Василия Ивановича земли в земщине, тогда еще будучи ребенком, Никита Федорович часто бегал сюда с другими ребятами купаться в реке, после чего, мокрые аки цыплята, гуляли они гурьбой по лесу, собирали грибы да ягоды, а вечером, как только начинало темнеть, возвращались домой – счастливые и уставшие. Кто мог ведать тогда, что из веселого, добродушного Никитки, как бывало, называли его отец с матерью, вырастет безжалостный убийца, исполнитель царской воли. Сейчас князь глядел на реки и в душе его зародилось чувство, которое нельзя было описать словами: то была не жалость, не раскаяние, а нечто иное. За несколько лет он научился не поддаваться воли чувствам, пресекал их на корню, ежели ощущал их в своем сердце.

Пока князь предавался светлым воспоминаниям, его верные сподвижники во главе с Путятой уже развели костер и распотрошили курицу, готовя на завтрак свежее мясо. Купец сидел на траве неподалеку, его рот был закрыт белой тряпкой, которая за столько времени вся пропиталась кровью. Слезы застилали ему глаза, когда злодеи расправились с курицей, его курицей, за которой ухаживала Прасковья. Эти мысли наполнили его душу горечью.

Путята призвал князя разделить с ними трапезу, и дабы угодить тому, предложил самый большой кусок. Никита Федорович взял куриную ножку и уселся рядом с Иваном Семеновичем. Купец покосился на куриную ножку и отвернулся. Князь усмехнулся и проговорил:

– Взгляни на здешние места, Иван. Какая красота, правда ведь? Неподалеку сызмальства играл я с другими ребятами, благодатное время тогда было. Отец мой служил царю Василию Ивановичу, за что и получил земли за Москвой. Теперь я верно служу сыну покойного царя, Иоанну Васильевичу и буду служить ему до конца дней. Власть есть от Бога, а царь-государь есмь помазанник Божий, идти против его воли грех для православного. Так-то, – после этих слов он откусил кусок курицы и добавил, – хороша курятина!

Иван Семенович слышал его голос, но ни разу не посмотрел в его сторону. По щекам текли слезы, а нестерпимая боль отзывалась во всем теле. Мысли о злочастной кончине Прасковьюшки не давала ему покоя.

Никита Федорович замолчал и прикрыл глаза. У него было одно желание – поскорее вернуться в дом, скинуть тяжелую мешковатую одежду и лечь в теплую постель, под бок дородной Марфы Егоровны. Ему почему-то вдруг вспомнилось посеревшее лицо отца со впалыми глазами, и как он, будучи еще молодым, сидел подле ложа умирающего родителя и внимательно слушал наставления.

– Послушай меня, сын мой, – слабым голосом сказал отец, – дай руку твою, я благословлю тебя перед смертью. Будь счастлив и помни одно: соблюдей десять заповедей и живи по закону Божьему, а ежели оступишься ты от Бога своего, то не будет тебе покоя не в этой жизни, ни в иной. Ты будешь проклят людьми, небом и землей. Помни Священное Писание и то, чему я учил тебя.

Тогда Никита Федорович искренне пообещал отцу исполнить его волю, тем более, что недавно женился на красавице Марфе – дочери потомственного дворянина. Тогда все казалось красочным и легким, а когда жена понесла первенца, то счастьем их не было предела. Назвали мальчика в честь прадеда – деда Никиты Федоровича. Через два года родился второй малыш, который отличался от тихого и спокойного старшего брата буйным нравом и непоседством. Князь сразу выделил последыша среди сыновей и уделял тому больше внимания, недели Андрею. Андрей поначалу ревновал брата к отцу, но постепенно смирился, успокаивая себя мыслью, что мать любит его более, нежели непоседу-Сашку. С горечью думал сейчас Никита Федорович, сидя под березой, о судьбе старшего сына, с каждым днем Андрей все больше и больше отдаляется от него, предпочитая оставаться подле матери своей. В такие мгновения князь осуждал самого себя за несправедливое отношение к первенцу, теперь его

мысли разделял один лишь Александр – прыткий, ловкий и такой же жестокий. Вспомнил князь, как еще отроком Сашка забил до смерти беременную собаку, Андрей же стоял в стороне и громко плакал, умоляя брата прекратить зверское безумие. На крик прибежали Марфа Егоровна с нянькой. Плачущего Андрея увели домой, а Сашу мать сама сильно наказала хворостинкой. После этого случая младший брат возненавидел старшего, затаил на него обиду, в порыве гнева однажды воскликнув:

– Я не хочу быть твоим братом! Тебя матушка никогда не наказывает, а мне, наоборот, вечно от нее достается!

Ревность съедала мальчика. Как бы ни любил его отец, мать для него все равно оставалась на первом месте, вот почему он злобно тербил руки, когда видел, как Андрей ласково льнет к матери, а та с любовью целует его. С возрастом ревность прошла, но дружбы между братьями не было.

Наевшись курятины, опричники собрались в путь. Никита Федорович приказал отвезти купца в темницу для дальнейшего расследования, а сам в окружении Путяты и Петра поехал домой. Уже спешившись у ворот собственного дома, князь увидел отца Алексея в окружении юных прислужников. Никита Федорович снял шапку и первым подошел к владыке, склонил перед ним голову:

– Благослови, отче.

Отец Алексей перекрестил его и тихо произнес:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь.

– Аминь.

Князь поднял голову и внимательно посмотрел в лицо священника. Тот даже бровью не повел, стоял спокойно, лишь ветер трепал полы его длинной мантии.

– Давно не видел тебя, княже. По старой дружбе потолковать хочу.

– Я, отче, был сегодня в березовой роще, той самой, где мы играли, будучи отроками. Тогда ты больше всех собирал грибов.

– Да... благословенное было время, – отец Алексей посмотрел на купола церкви и перекрестился, – только вот все изменилось.

– О чем ты?

– Что же ты, Никита Федорович, в храме давно не был, прощения у Бога не просил?

– Все мы не без греха, отче, – ответил тот, потом склонился над ухом владыки и прошептал, – думаешь, если мы дружили в детстве, ты имеешь право приказывать мне, что делать, что нет?

Священник глубоко вздохнул, словно знал заранее, что скажет князь. У него уже был ответ:

– Ты прав, все мы не без греха. Однако, грех греху рознь: одно дело с соседом поругаться и совсем иное кровушку невинную проливать.

Жила на лбу Никита Федоровича вздулась. Руки так и тянулись вытащить из ножен меч и отрубить говорившему голову, однако он сдержался, ибо нет такого закона, по которому можно лишить жизни носящего духовный сан. Вслух он ничего не сказал – не было ни сил, не желания спорить.

– Так-то, княже, ты уж на днях приходи на службу да сыновей своих, и супругу свою возьми с собой. Сказано в Библии: «Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут».

– На меня намекаешь, отче? Думаешь, конец мой близок?

– Не на тебя, сыне, нет. Совет только хочу дать тебе: оставь меч свой и стрелы свои дома, скинь одежду, кровью запачканную, покрой тело светлым одеянием, ибо «Кто живет с мечом, умрут от меча», а тебе, – головой владыка кивнул в сторону дома, – есть для кого и ради чего жить.

– Я понял тебя, спасибо за добрый совет.

– Не что, сын мой, – с этими словами отец Алексей стукнул посохом, что держал в правой руке, и пошел дальше по дороге, а за ним шли с хоругвиями послушники.

Никита Федорович с нарастающим раздражением глядел ему вслед, в груди стало тесно, словно в легких не хватало воздуха. Слова, сказанные отцом Алексием, запали в его душу, но он старался и их отогнать прочь.

Проснулся князь от громкого шума, что доносился со двора. По-стариковски кряхтя, он встал с кровати и вглянул в окно. За воротами стояли двое молодцев и терпеливо ждали, держа конец под уздцы. Во дворе рядом с конюшней вели спор два брата, сыновья Никиты Федоровича – Андрей и Александр. Вокруг них, то и дело взмахивая руками, бегала и причитала их мать – Марфа Егоровна. Княгиня, в мешковатом темно-синем одеянии, с покрытыми волосами, пыталась остановить спор между сыновьями, но ее голос тонул в крике младшего сына.

– Сказал, отпусти моего коня, иначе по уху получишь! – кричал Александр, беря саврасового под уздцы.

– Опомнись, брат, кто же в такую пору на охоту едит? Аль ты позабыл, что после долгой зимы зверье в силу приходит, открамливается, самки нынче беременные ходят, на кого вы охотитесь собрались? Потерпи хотя бы еще месяцок-другой, пускай зверь лесной отъестся травки, потомство даст, тогда уж и я с вами поеду, – Андрей что есть мочи пытался противостоять буйному брату, которому не было ведано ни жалости, ни сострадания – весь в отца!

Иное дело старший: и лицом хорош, и статью, и нравом кроток как матушка их – Марфа. Княгиня подбежала к Александру и положила свои маленькие руки ему на грудь со словами:

– Сыночка мой, кровинушка моя, хотя раз в жизни прислушайся к старшему брату твоему, ибо дело он говорит, – и тут же обвела обоих детей своих взглядом: перед ней стояли два юноши – высокие, широкоплечие, только Александр был чуточку выше старшего брата, зато Андрей превзошел его в красоте лица: светло-карие глаза под дугообразными бровями, русые волнистые волосы, что выбивались из-под шапки, и если бы не его более округлое, более нежное лицо, на подбородке которого пробивалась темная бородка – то с братом они выглядели бы как близнецы.

Марфа Егоровна стояла в нерешительности, невольно залюбовавшись сыновьями, которых пора уже было сватать, то муж ее, Никита Федорович, все никак не решался искать им жен среди боярынь и дворянок, хотя немало красавиц подходили на роль его невесток.

Александр даже бровью не повел – что для него слова матери? Он оттолкнул брата и только было направился к воротам, как дорогу ему перегородил отец со всклокоченной бородой и нечесанными волосами. Не мигая, он долго поглядывал на свое семейство красными от недосыпа глазами, под которыми набухли мешки, и произнес низким голосом:

– Почто свору устроили в моем доме? Почто мне почивать не даете?

Марфа Егоровна задрожала от страха, она боялась мужа больше всего на свете. Андрей потупил взор, словно был в чем-то виноват. Один лишь Александр смотрел отцу прямо в глаза, гордо вскинув голову и уверенно упершись в землю ногами в сафьяновых сапогах, он знал, что отец никогда на него не сердится.

– Ну? – переспросил Никита Федорович. – Вас всех спрашиваю? Что здесь произошло?

На середину выступил Андрей, его лицо залилось краской. Он попытался успокоить себя, хотя так и не поднял взора на князя.

– Отец, – промиолвил юноша, – я хотел остановить брата от затеи с охотой. Недавно только поднялись травы, растаял снег, кто же ходит в такую пору на зверя?

– Я вижу, ты умен не по летам, – с усмешкой ответил князь, что привело Андрея в еще большее замешательство, – а теперь пусть слово молвит Саша.

Александр искоса взглянул на брата и в его душе родилась надежда снова доказать родителю, что прав он, а не тот.

– Отец мой любезный, – сказал молодой человек и взмахнув рукой, отдал Никите Федоровичу низкий поклон, – я не нарушаю волю твою, но желаю поупражняться с приятелями моими в верховой езде. Окажи мне подобную честь, разреши мне ехать с Иваном да Богданом, которых знаю я с сызмальства.

Слова любимого сына растрогали князя и он уже не мог повышать на него голос. Крепко обнял его и поцеловав в лоб, он дал свое родительское благословение и промолвил спокойным, мягким голосом:

– Если тебе сие нравится, поезжай. Не смею же я запретить тебе стать воином.

– Благодарю, отец мой, – Александр расцеловал князя в обе щеки и, взяв под уздцы коня, вышел со двора, где его уже поджидали долгое время приятели детства.

Никита Федорович обернулся в ту сторону, где стояли в нерешительности жена и старший сын. Оба были смертельно бледны. Андрей потупил взор и выглядел более несчастным, чем прежде. В душе он зародил обиду и на брата, и на отца, которые как будто специально изводили его, унижали, словно в тайне, в глубине души, ненавидели его. Что же он сделал им такое, за что ему такие наказания? Неужто вина его лишь в том, что нравом он похож на мать, что не стал поддерживать отца в опричнине и наказании мнимых преступников? Неужели в их семье доброта, сострадание, честность, милосердие – ничто?

Андрей сделал два шага вперед и остановился рядом с князьями, словно меряясь с ним ростом. Никита Федорович положил свою ладонь ему на плечо. Юноша взглянул на крепкую, жилистую руку отца и невольно вздрогнул, представив эту самую руку у него на шеи, но сразу же попытался отогнать сию мысль, ибо отец не смеет лишать жизни ребенка своего, кто плоть от плоти его.

– Собирайся, Андрюш, поедешь со мной в Москву, на Кремль посмотришь, на государя нашего батюшку Ионанна Васильевича да жену его молодую Марию Темрюковну, дочь кабардинского князя Темрюка. Познакомлю тебя с людьми большими, знатными. Негоже тебе, молодцу во цвете лет, штаны подле мамки протирать. Прикажи седлать коней да в дорогу одевайся, ехать нам недалеко.

Молодой человек внутренне напрягся. Он понимал, почему отец велит ему ехать с собой, почему хочет познакомить с иными боярами да князьями (такими же опричниками, как он сам), но вслух сказать что-либо побоялся, ибо знал, что ему отец никогда ничего не прощает, только Александру сходит все с рук.

Стоящая в сторонке Марфа Егоровна вскинула руки и, упав пред мужем на колени, и поцеловав тыльную сторону его ладони, воскликнула:

– Не делай этого, Никита. Не вози с собой на пытки Андрюшу, не стоит ему смотреть на все это!

Князь с силой оттолкнул жену и замахнулся кулаком, который остановился в воздухе:

– Ууу, – завопил он, готовый убить ее, – пошла прочь, старуха проклятая! И на тебя управу найду, только вернись! – затем обратился к сыну. – Ну, чего стоишь, зеньки вылупил, поспеши к отъезду!

Андрей как и всегда с опущенной головой молча побрел в дом выполнить приказ отца. Мать помогла ему собраться в дорогу, приготовив новый кафтан и новые сапоги для такого случая. Перед дорогой женщина благословила сына, как делала это всегда.

Александр с верными друзьями – Иваном и Богданом, возвращались с неудачной охоты. Как и предполагал Андрей отощавший за зиму зверь не представлял никакого интереса, по беременным самкам оленей да лосей нельзя стрелять – лесные обитатели должны дать новое потомство. Единственное, кого удалось поймать, так это пару уток да диких гусей, да еще Александру удалось на зависть остальным подстрелить фазана. С этим и возвращались.

По дороге домой друзья завернули на обед к знакомому дворянину, чей дом с большим садом стоял на берегу реки, поотдаль от крестьянского селения.

Дворянин – Глеб Михайлович, дородный коротконогий мужчина средних лет с веселыми серыми глазами, с поклоном встретил незваных гостей. На их счастье мужчина как раз собирался садиться за стол, а уж у него – любителя поесть, всегда находился лишний кусок. За длинным столом, покрытом белой скатерью, сидело пятеро человек: Александр, Иван, Богдан, хозяин со своим дальним родственником – Алексеем Елизаровичем. Сотворив молитвы пред образами святых, мужчины сполоснули руки в воде и принялись за еду. Вилки в то время на Руси не было и потому то, что не могли взять ложкой, ели руками. Александр, откусывая белыми зубами кусок курятины, вдруг спохватился и спросил у хозяина:

– Добрый Глеб Михайлович, хочу поделиться думами моего сердца, о чем вздыхает каждый раз моя душа. Но не знаю, готов ли ты выслушать меня?

Дворянин отбросил ложку, которой ел похлебку, и удивленно уставился на него. Уж не подослал его к нему Никита Федорович. Говорят, младший сын князя унаследовал от отца буйный нрав.

– Я внимательно слушаю тебя, дорогой гость, – проговорил Глеб Михайлович.

– Вот уж год, как я... – юноша глянул на своих друзей, один из понял, о чем идет речь и ответил за него:

– Наш друг Александр Никитич, из рода Ташеевых, вот уже сколько времени подыскивает себе жену благородных кровей. Слыхали мы, будто у тебя есть дочь красы неземной, чьи брови союзы, губы червлены, косы велики. Мы, как друзья Саши, хотим выступить сватами, – Иван положил руку на грудь и склонил голову в знак уважения, тоже сделали Богдан и Александр.

Алексей Елизарович чуть не поперхнулся, дабы скрыть смущение, он отпил из чаши холодной воды, затем косо взглянул на Глеба Михайловича с мыслью: что ответит тот на подобную дерзость – выгонит ли гостей вназад или придумает какой-нибудь иной хитроумный план? Однако, на радость юношам, хозяин дома широко улыбнулся и проговорил:

– Да, есть у меня подобная горлица, что обитает в тереме моем. Красой она превзошла не только цариц и царевен, но даже солнце и луну. Глаза ее подобны звездам, кожа белее снега, губы краснее розы, а косы ее такие, что вызывают зависть у каждой девицы.

– Тогда, добрый хозяин, не мог бы ты показать свою дочь, дабы узрел я красу ее неземную, – промолвил Александр, не боясь, гнева дворянина.

– Экий ты молодец, хитрый, да только не буди меня преступить законы православные. Коль хочешь взять дочь мою в жены, пришли ко мне родителей своих, с ними я и потолкую. А в день свадьбы ты уж вдоволь налюбуйешься на жену свою красную.

Молодой человек потупил взор: не на такой ответ рассчитывал он, хотя в душе понимал, что так и будет, закон есть закон, и никто не смеет переступить его. Пока Глеб Михайлович был занят разговором с Алексеем Елизаровичем, Александр наклонился к уху Богдана и прошептал:

– Боюсь, обманывает нас этот хитрый лис. Боюсь, что дочь его на самом деле страшна как смертный грех, то-то он боится хотя бы издали поглядеть на нее.

– Глеб Михайлович просто не желает рушить закон, – ответил его друг.

– Но ведь дать взглянуть мог бы разрешить.

– Значит, не хочет, чтобы на дочь его благочестивую кто-либо позарился раньше времени.

Александр приуныл. Он уже корил себя на столь поспешное сватовство. А ежели девица и впрямь некрасива. Молодой человек знал многие случаи, когда лишь на свадьбе жених встречался с суженой, которая оказывалась либо хромой, либо с обезображенным оспой лицом, либо просто уродливой, а отказаться уже нельзя было – родители за своих детей уже дали согла-

сие на сий брак. Вот потому Александр и стремился хоть мельком, хоть тайком взглянуть на ту, о чьей красоте ходит молва по округе, но как знать, ежели сие сплетни распускает сам Глеб Михайлович, желающий отдать дочь за знатного, богатого аристократа? И только эта мысль мелькнула у него в голове, как в залу для трапезы с веселым возгласом: «Батюшка, взгляни, какие узоры на платье я вышила!» – вбежала юная девушка, но взглянув на пришлых гостей, коих ни разу не видела, тут же потупила скромно взор и покрылась стыдливым румянцем. Она не видела, как три пары молодых глаз с восхищением взглянули на нее.

У Александра перехватило дыхание при виде красавицы с лицом, подобным луне. Особенно хороши были ее серые большие глаза под черными бровями да алые губы, которые так и хотелось поцеловать. Но более всего юношу поразила коса девушки, толщиной с руку, чей конец, обвязанный красной лентой, касался пола. Ростом девица была высока, даже слишком высока, что могло немного смутить претендента на ее руку, ибо была она выше отца своего на целую голову, но для Александра это не беда – в любом случае он оказывался выше ее.

Нечто подобное почувствовали и его друзья. У Богдана штаны торчком встали, а Иван наклонился к уху Александра и прошептал:

– Ежели не приглянулась сия красна девица тебе, то я готов повести ее под венец.

– Цыц, ты! – злобно зашептал тот в ответ. – Она будет моей и только моей, ибо такая красавица должна принадлежать самому красивому молодцу на свете. А кто из нас самый красивый? Конечно же, я! – молодой человек гордо вскинул голову и высокомерно оглядел друзей, напрочь позабыв о своем старшем брате Андрее, который по закону первый должен был жениться, но Александр никогда о нем не думал.

Девушка все еще смущенно стояла в сторонке, теребя кусок материи, на котором золотыми нитями была вышита сказочная птица, сидящая на ветве дерева. Глеб Михайлович вскинул кулаки и прокричал:

– Ах, ты, негодница! Кто дал тебе право выходить в таком виде из своей горнице перед гостями да еще с непокрытой головой? Прочь к себе, и чтобы этого больше не повторялась!

Красавица прикрыла нижнюю часть лица платочком, что держала в руках, и убежала, оставив после себя яркий свет, что исходил от нее. Хозяин низко склонился перед гостями и проговорил:

– Вы уж извините мою дочь, что она ненароком вышла к нам в одном сарафане, – затем специально повернулся в сторону Александра и добавил, – сия есть дочь моя, Анастасией зовут. Ей уже семнадцать лет. Ты, мой гость дорогой, только увидел ее и понял, что слова мои были правдивы: нет на свете прекраснее девы, чем Настенька моя. Ежели приглянулась она тебе, то я готов стать твоим тестем.

Александр покрылся румянцем. Неужто и правда мечта его становится явью, коль знатный дворянин предлагает ему в жены свою дочь, и не просто дворянку, а первую красавицу, да такую, что по всей Руси искать и не сыщешь! Отказаться он Анастасии было равносильно смерти: до сих пор перед его мысленным взором стояло ее прекрасное лицо, ее удивительная длинная, русая коса, белые тонкие пальчики рук, высокое статное тело, на котором особенно выделялись тонкая талия и широкие бедра, что свидетельствовало о готовности к материнству. Юноша с вождением представил, как в первую брачную ночь он сожмет ее в своих объятиях, распустит ее шикарные волосы, в которых можно утонуть, прикоснется губами к ее пышной, белоснежной груди, но пока он отогнал от себя мечтания и ответил:

– В скором времени мои родители приедут к тебе со сватами, с ними ты, любезный Глеб Михайлович, и потолкуешь о свадьбе.

Дворянин широко улыбнулся и довольно потер руки. Судьба его дочери решалась. Лишь один Алексей Елизарович как-то неприятно скривил губы и дернулся всем телом. Александр искос заметил это, но не придал сему никакого значения.

А в это время в темной горнице за вышиванием склонила прекрасное лицо Анастасия. Губы ее дрожали, щеки покрылись ярким румянцем, словно она побывала на прогулке, а мысли роем кружились в голове. Юноша, сидящий по левую руку от отца запал в ее сердце словно заноза, лишь о нем она сейчас думала. Дверь со скрипом отворилась и в комнату вошла, ковыляя словно утка, ее старая кормилица и няня, которая знала девушку еще с колыбели, и после смерти ее матери заменила ей весь мир. Старушка подошла к своей воспитаннице и присела рядышком, левой рукой она принялась расплетать ее косу.

– От чего ты кручинишься, дитя мое? Аль какая хворь одолела тебя? – няня ласково погладила ее по щеке.

– Нет, нянюшка, нет родимая, не хворь одолела меня, но любовь, – промолвила Анастасия и прикрыла руками глаза.

Старушка громко ахнула и тут же зажала ладонями рот. Господи, да какая любовь может родиться в этом чистом, непорочном сердце? Кого успела полюбить Настенька, коль целыми днями сидит в горнице под присмотром строго отца?

– Милая моя, в кого ты влюбилась? Неужто тайком от нас покидала дом?

Девушка при этих словах так глянула на нее, что няня тут же пожалела о сказанном.

– От тебя ли я слышу такое? Ты, которая качала меня еще в колыбеле? Ты, заменившая мне мать, сестер и подруг? Ты, которая знаешь меня лучше, чем кто-либо? Как смеешь произносить слова непотребные? Неужто ты думаешь, что я способна словно блудница тайком встречаться с кем-то? Или ты думаешь, что я позабыла заповеди Божьи и впала во грех? Няня, уж от тебя я такого не ожидала.

– Прости меня, родимая! Прости меня, дуру старую! – старушка упала перед ней на колени и принялась целовать ее руки, боясь гнева Глеба Михайловича.

– Встань с колен, кормилица моя, – спокойным голосом проговорила Анастасия, убирая в сторону незавершенную работу.

Няня взяла в руки материю с вышивкой и мягко провела по нее пальцем. Что говорить, вышивать девушка умела благодаря ее стараниям.

Во дворе послышались мужские голоса, смех и ржание коней. Анастасия резко вскочила со скамьи и ринулась к решетчатому окну и из него увидела отца, крестного Алексея Елизаровича, да троих молодых гостей, но лишь на одного из них упал ее взгляд – это был Александр, сын Никиты Федоровича. Девушка прерывисто задышала, руки машинально сложились на груди, где внутри сильно билось сердце словно птичка в клетке, готовое выпрыгнуть наружу. «Ах! – радостно думала она, не отрывая взгляда от красивого юноши. – Как он прекрасен, словно царевич из сказки. Господи, об одном прошу: пусть наши судьбы с ним соединятся».

Няня всплеснула пухлыми руками и, подбежав к Анастасии, попыталась оттолкнуть ее от окна.

– Господи, да что же делается! – воскликнула старушка. – Негоже девице глядеть в окно да на добрых молодцев любоваться. А ежели кто-либо из них узрит тебя аль батюшка твой заменит сие, а ну-ка, девонька-красавица, спрячься за занавеской!

Но Анастасия не слышала или делала вид, что не слышит предостережения няни. Ее взгляд был устремлен на того, о ком думало ее сердце.

– Вот он, нянюшка! – воскликнула девушка и указала пальчиком на высокого, стройного молодого человека с задорной белозубой улыбкой и темно-русыми кудрявыми волосами. – Это он, тот, о ком тоскует душа моя.

Кормилица лишь мельком посмотрела на юношу и тихо промолвила:

– Да, молодец и впрямь хорош собою. А теперь, родимая, отойди от оконца да сядь на скамейку, дай-ка я заплету тебе новую косу.

Красавица с потупленным взором последовала за няней, которая усадила свою любимицу на ступ перед зеркальцем. Затем взяла гребень и начала осторожно расчесывать ее длинные

густые волосы. Не успела старушка доплести косу, как в горницу тяжелой походкой вошел Глеб Михайлович. Кормилица тут же склонилась в низком поклоне и ушла в дальний темный угол, дабы не мешать беседе отца и дочери. Анастасия встала и подошла к отцу, во всех ее движениях сквозили робость и скованность. Не смотря на это, она все равно возвышалась над низкорослым тучным Глебом Михайловичем словно травинка над камнем. Дворянин поглядел на дочь снизу вверх и, взяв ее под руку, усадил на низкий стульчик, сам же сел на скамью, таким образом, чтобы девушка оказалась ниже его.

– Дочь моя любимая, хочу серьезно поговорить с тобой, – мужчина заметил, с каким испугом взглянула на него Анастасия, – сейчас решалась твоя судьба и судьба твоего будущего мужа.

Няня, что сидела в углу, зажала крепко руками рот, дабы не вскрикнуть от удивления. Девушка взяла косу и стала ее мять, дабы скрыть волнение, охватившее ее. Сердце ее учащенно забилося, на глазах выступили слезы. Она сразу вспомнила друзей Александра – белобрысого Ивана да черноволосого Богдана, вдруг отец решил отдать ему одному из них? Тогда уж лучше в монастырь или умереть, ибо жизнь без Александра для нее уже не имеет никакого смысла.

Глеб Михайлович ласково взял руку дочери в свою и проговорил:

– Вижу я слезы на очах твоих, это говорит, что душа твоя и помыслы твои чисты, что ты предана Богу своему и чтить заповеди Его. Ты также должна знать, что дочь смиренная обязана слушаться отца своего и покориться воли его, ибо так сказано в Библии. Тебе уж семнадцать годов, тебе давно пора замуж, да я все мешкал, боясь разлуки с тобой. И вот сегодня, в этот погожий день, сама судьба дала мне знак, что пора покинуть тебе, красавица моя, родительский кров и обрести счастье с супругом твоим. Один юноша из знатного рода посватался к тебе и я дал свое согласие, теперь же я хочу поговорить с тобой. Готова ли ты пойти под венец за того, кого я сам выберу?

– Да, батюшка, – тихо промолвила Анастасия, опустив глаза в пол.

– Сегодня ты по неразумению своему видела гостей моих и не могла не заметить троих добрых молодцев: красивых и умных. Все трое достойны руки твоей прекрасной, но лишь одному я дал согласие на тебя.

Девушка вскинула голову и пристально глянула на отца, стараясь прочесть ответ в его глазах. Доли секунды показались ей вечностью, а сердце забилося еще чаще, готовое разорвать грубую клетку.

– Кто он, батюшка?

– Его зовут Александр Никитич Тащев. Ты видела юношу, сидящего рядом со мной? Так вот, это он.

Что творилось в душе у Настеньке, не описать словами. Ее красивые глаза расширились, по щеке скатились слезы радости. Упав на колени перед Глебом Михайловичем, она прижалась к его груди и воскликнула:

– Спасибо тебе, родитель мой! Я счастлива стать женой сего юноши, коий приглянулся мне и запал в мое сердце!

– Ах, дитя мое, благодари Господа твоего за такой подарок судьбы.

Нянюшка тоже ринулась на колени перед дворянином и поцеловала его сафьяновые темные сапоги.

– Благослови тебя Бог, Глеб Михайлович, за счастье любимицы моей!

Анастасия ринулась в объятия кормилицы и прижала ее к своей груди, ее незаплетенная коса рассыпалась по плечам.

Александр в сопровождении верных ему друзей – Ивана да Богдана, скакал по тропе, ведущей мимо реки. По левую руку в красоте своей раскинулась березовая роща, наполненная ароматом сочных трав да птичьего щебета. На душе у юноше тоже стояла весна: жизнь снова

наполнялась яркими красками, по правую и левую руку стоят верные друзья-товарищи, прекрасная девушка вскоре станет его супругой. Чего еще желать?

Солнце по-весеннему пригревало спину. Лоснящиеся от пота бока лошадей блестели в ярких лучах. В отдалении, там, где раскинулась деревня, послышалось блеяние овец да коровье мычание. Александр натянул поводья и остановил бег коня. Какое-то время прислушиваясь и посматривая по сторонам, он размышлял о чем-то, затем снова прищипорил саврасового и ринулся дальше по дороге, оставляя за собой тучи пыли.

Три девушки в белых платочках с коромыслом на плечах спустились к берегу реки, дабы набрать воды. Приметив троих молодцев на высоких, тонконогих конях, девушки отошли в сторону и смущенно опустили глаза, их щеки пылали ярким румянцем. Поравнявшись с ними, Богдан задорно подбоченился и проговорил:

– Откуда такие, красавицы?

Девушки тихо засмеялись и украдкой прикрыли нижнюю часть лица краем платочков. Иван немного свесился с седла и поочередно всмотрелся на каждую из них. Что удивительно: все три девушки оказались на удивление прелестными.

– Как звать-величать вас, красны девицы? Эх, взять бы одну из вас в жены.

Девушки переглянулись между собой, а потом, ловко взвалив на нежные плечики коромысла с ведрами, пошли как можно быстрее в сторону деревни, боясь, дабы чего не вышло. Богдан и Иван весело свистели им вслед, невольно залюбовавшись их гибкими стройными телами да длинными косами, спускавшимися ниже талии. Лишь один Александр оставался ко всему безучастен. Он даже не заметил ни самих девушек, ни тем более их лица, перед его мысленным взором все еще стоял чистый образ Анастасии, прекрасный своей непорочностью, ни на какую иную девицу, даже если та окажется во сто крат краше любимой, не променяет он свою Настеньку, мечту всей жизни. Он торопился домой, хотел рассказать о сватовстве матери и отцу, упросить их решить вопросы на счет свадьбы. Не медлить это событие. Конь легко бежал по тропе, едва касаясь земли, должно быть, чувствую нетерпение хозяина, который то и дело подстегивал его с криком «Гей!»

Вскоре показались знакомые переулки улиц и крыша родительского дома, стоящего за высоким бревенчатым забором. Уставший после долгой скачки, весь в пыли, Александр с ходу передал поводья коня службе, а сам стремительно вбежал вместе с друзьями на крыльцо, где их уже поджидала Марфа Егоровна, оперевшись ладонями в дородные бедра, ее красный, расшитый жемчугом сарафан, так и переливался на солнце, а длинные серги с изумрудами украшали еще нестарое, привлекательное лицо.

– Здравствуй, матушки, – проговорил юноша и, сняв шапку, вскинул правую руку и сделал низкий поклон, Иван и Богдан последовали его примеру.

– С возвращением, дорогие охотники, – женщина приветливо улыбнулась и, поглядев на пару уток да фазана, добавила, – вижу, без добычи не обошлось.

– Да как сказать... в этот раз не очень повезло, – развел руками Александр.

– Ничего-ничего. Вдругорядь охота будет удачливее, – княгиня пригласила гостей войти в дом, где их ждал уже стол, уставленный различными блюдами.

Перед ужином все три молодца помыли руки в рукомойнике, помолились на образы, что стояли в углу, а уж затем уселись на длинную скамью. Марфа Егоровна как хозяйка разлила в чаши холодного квасу, от которого защербило в носу, но после дороги пить его оказалось райским блаженством. Женщина осмотрела небогатую добычу и хлопнула в ладоши. В комнату вошла молодая холопка с толстыми розовыми щеками, сама она была одета в простой сарафан из грубого сукна, и босиком, что привлекло внимание Ивана к ее ступням, еще мягким и красивым. Молодец слегка толкнул Богдана локтем и прошептал на ухо:

– Гляди-ка, еще одна девка. Во как нам сегодня везет – повсюду красавиц встречаем.

Тот внимательно взглянул на девичье лицо, на ее влажные, чуть приоткрытые губы, и ответил также шепотом:

– Да, князь Никита Федорович и в служанки набирает пригожих девиц. Интересно, для чего?

Иван слегка усмехнулся: та же мысль мелькнула у него в голове. Он невольно взглянул на княгиню, дающую указание девушке:

– Глашка, возьми этих уток и фазана, очисти их вместе с Артамошкой от перьев, но только хорошо, а не как в тот раз, а затем приготовь из них угожение, только поживее, девка!

Глаша наклонилась и схватила птиц, попутно озираясь на строгую хозяйку, которая спуску слугам не давала. Но девица даже не позодревала, что не только Марфа Егоровна посматривает на нее, но еще и один из гостей, светловолосый Иван. Когда она скрылась за сенями, юноша спокойно выдохнул, словно тяжкий груз упал с его плеч. Да это и верно: нет девки – никто не отвлекает и потому можно спокойно приступить к трапезе. Ели молча, запивая квасом. Александр то и дело поглядывал на мать, словно хотел понять: стоит ли заводить разговор, так важный ему, или же подождать до поры до времени, пока отец не вернется домой. Однако молчать долго он не мог, сил не было томиться. Отбросив ложку в сторону, Александр спросил Марфу Егоровну:

– Матушка, ведаешь ли ты, где сейчас отец и брат мой?

– Отец взял Андрея с собой в Москву, но для чего, того не ведаю.

– В Москву? А почему же меня до дождался? – эта весть опалила его нутро словно раскаленное масло, ему стало горько и досадно от одной мысли, что Никита Федорович предпочел в этот раз не своего любимого сына, а Андрея, которого никогда не долюбивал. Обида постепенно переросла в ревность, заводить разговор о сватовстве к Анастасии не было никакого желания. Александр решил, во что бы то ни стало дожидаться отца и уже с ним наедине поговорить о всех вопросах, касающихся свадьбы. Отец должен, обязан понять и принять его решение, иначе что это за родитель такой?

Марфа Егоровна глядела на сына и не могла понять, что с ним происходит, почему его лицо, до этого такое радостное, сменилось печалью? Неужто это лишь из-за того, что на сей раз Никита Федорович взял с собой Андрея, а не Александра? Или же для печали есть иная причина?

– Почто кручинишься, сын мой? – спросила княгиня, подперев подбородок кулаком.

– Так. Ничего особенного. Может быть из-за того, что я сегодня устал очень сильно.

Марфа Егоровна почувствовала неладное, узрила она по глазам сына, что тот недоговаривает, держит в себе некую тайну, о которой боится сказать. На помощь ей пришел Богдан, он-то и поведал, о чем печалится Александр.

– Марфа Егоровна. О чем тут речь? Влюблен наш Саша.

Тот злобно взглянул на друга и незаметно под столом пнул его ногой, в ухо прошептал: «Цыц ты, окаянный!» Но было поздно. Княгиня открыла было рот от удивления, но сдержала возглас, который только что хотел вырваться из глубины ее сердца. Она уставилась на младшего сына и спросила:

– Кто эта девица? Уж не дочь ли нашего соседа Ирина, что старше тебя года на два.

– Чур тебя, матушка! – воскликнул юноша и сплюнул через левое плечо. – Сдалась мне эта уродинка с веснучатым лицом. Помнишь дворянина Глеба Михайловича?

– Того самого, что выкупил недавно землю неподалеку?

– Истинно! Рассказываю, как дело было. После неудачной охоты возвращались домой да устали малость, решили передохнуть уже в пути да Иван издали приметил дом большой бревенчатый, заборот высоким окруженный. Остановились мы да хозяина покликали. И какого же было наше удивление да радость, когда Глеба Михайловича увидели. Пригласил нас дворянин в дом свой, усадил за стол как почетных гостей, накормил да напоил.

– Ну, а влюбился-то в кого? – перебила его нетерпеливо Марфа Егоровна. – Ты уж, сыне, говори да не заговаривайся. То, что вы с Глебом Михайловичем поболтали, то хорошо.

Александр замялся. Не будет же он говорить, что увидел Анастасию, когда та по незнанию вбежала в трапезную без платка да не в кафтане, скрывающем женские прелести? Тогда мать и слушать дальше ничего не станет, блудницей чистую девицу назовет и прощай мечты о свадьбе. Переглянувшись взглядами с друзьями, молодой человек все таки дошел до конца рассказа, о котором думал всю дорогу:

– Есть у Глеба Михайловича дочь, девица красотой неписанной, кожей бела, телом изобильна, коса большая до пят, очи велики. Как увидел я ее, матушка, так в сердце и душу запал мне сей образ ангельский. Прежде нигде не видывал я красавицы такой!

– Дочь Глеба Михайловича? Анастасия? – воскликнула в изумлении Марфа Егоровна, взмахнув полными руками. – Слышала я, будто лицом она пригожа. Одна соседка рассказала, что красивее Насти нет на свете никого.

– Это правда, матушка. Позволь мне...

– Погодь. Ты мне впрямь скажи, как мог ты увидеть сию девицу? Уж Глеб Михайлович точно не пригласил бы ее к вам на обед, не таков он человек, чтобы дочь к незнакомцам пускать.

Александр напрягся, жилы на его лбу вздулись, костяшки пальцев побелели. Ну уж нет! Не даст он на поругание любимую свою, не осквернит честь ее непорочную. Глядя на мать, он усмехнулся и ответил уже более спокойным голосом:

– А я просто... подглядел...

– Как так: подглядел? – вскричала княгиня и нечаянно локтем задела чашку с водой. Чашка упала на пол, забрызгав при этом подол ее сарафана.

– Просто: вышел по нужде, пошел по тропинке, смотрю, оконце занавешанное. Подошел да и подсмотрел через щель, а там райская птичка, а подле нее старая кормилица-нянька. Вот как это было.

– Да-да, Саша не врет, – вторили ему Иван и Богдан, стараясь придать выражению лица более уверенности.

Марфа Егоровна, вытерев подол сарафана рукой, сделала вид, будто поверила молодцам, хотя она прекрасно знала сына и была уверена, что Александр никогда не стал бы подглядывать, а тем более, в чужом доме, за кем бы то ни было. Сделав вид, будто верит их словам, женщина решила дожидаться мужа и уже вместе с ним решить этот вопрос. Сама по себе женитьба на дочери родовитого дворянина, который отдаст единственной дочери хорошее приданное, была успешной перспективой, да и родство между двумя семьями могло подсобить любимого сына Андрея к обустройству своей собственной жизни. С тех пор, как Никита Федорович уехал в Москву, взяв с собой старшего сына, княгиня все время была не на месте, то по дому ходит, то за ворота выходит. Мысли о любимом Андрее снова накрыли ее с головой и свадьба Александра с Анастасией отодвинулась на второй план. Снова Марфа Егоровна вспомнила старшего, снова в ее голове родилась тоска по нем, вновь она принялась задаваться одним и тем же вопросом: «Как он там без меня, родненький мой Андрюшенька? Уж не сильно ли строг к нему отец? Как там, в Москве?»

Москва поражала своим многолюдием. Не столь великий город как остальные столицы стран Европы, Москва все же распростерлась на многие расстояния, очаровывая гостей своей красотой. Дома даже здесь были построены из бревен, а между ними зеленели сады, в которых росли яблоки да груши. Улицы и мостовые были широки, так что по ним в один ряд могли проехать несколько повозок, не задевая друг друга. Такое расположение домов и улиц построили специально на случае пожара, дабы пламя разом не перекинулось на несколько строений. Даже царский дворец был выстроен из бревен и украшен яркой резьбой. Лишь крепость, что охраняла город да белокаменный Спасский собор, поражающий своим величественным видом

и красотой, его золотой купол с большими крестами на маковке ярко сверкал в лучах после-полуденного солнца.

Андрей в красном кафтане с длинными до колен рукавами молча ехал следом за отцом, за весь проделанный путь ни разу не обмолвившись с ним даже парой слов. Никита Федорович в черном мешковатом одеянии, с притороченной собачьей головой как бы балансировал на фоне сына, ничем не похожего на него.

Андрей не любил Москву да и иные города тоже. Ему не нравился шум и гам городских базаров, не любил он и толпу горожан, снующих туда-сюда по своим делам и мешающим быстрому передвижению. Ах, если бы отец смог понять его, если бы захотел отпустить обратно домой, то юноша, весело гаркнув, пришпорил бы коня и во весь опор помчался бы по весеннему бездорожью мимо полей и лесов, следуя вдоль берега реки и березовой рощи, высоко в небе светило бы солнце, птички звонко бы чирикали на ветвях деревьев, а под копытами лошади, взмахивая легкими яркими крылашками, разлетались бы бабочки. Но повернуть назад домой было нельзя, раз отец сказал сопровождать его, значит, нужно подчиниться. Ослушаться родителя своего было равносильно смерти, ибо Никита Федорович держал всю семью и слуг в ежовых рукавицах, нигде никому не давал спуска, чаще всего от него перепало либо Марфе Егоровне, либо Андрею, но почти никогда не был наказан Александр, словно князь любил его больше первенца. Такие мысли все чаще и чаще стали посещать Андрея, который уже было смирился со своей незавидной участью, но юноша не знал, что впереди его ждало еще большее испытание, нежели обычная ревность к брату.

Проехав мост, они натянули поводья и повернули в сторону Охотного ряда, запруженного торговыми лавками со всякой снедью да людом, неторопливо шагавшего вдоль палаток. Зазывала в ярко-зеленой рубахе и широких шароварах, заправленных в потертые сапоги, стоял на высокой бочке и кричал во весь голос:

– Эй, люд московский, гости столицы, приходите к нам да поглазейте на купцов заморских и диковинки, что привезли они из своих сторон! Подходите, каждый выберет себе что-нибудь по вкусу: шелка тонкие, пряжу толстую, платья разноцветные, сапоги сафьяновые, ножи острые, пряности иноземные!

Вокруг зазывалы уже столпились люди, каждому стало интересно, что за купцы такие и какой товар привезли они с собой. Вид иноземцев поразил москвитян: дородные индусы, черные словно тушь, в зеленых чалмах с драгоценным камнем, через толмача показывали на свои диковинки и приговаривали:

– Это поднос из сандалового дерева, источающего сладкий аромат. Это парча, у нас она бывает четырех видов: кинкхаб, амру, химру, пайтхани. Это золотые и серебряные нити для вышивания, их мы называем зари, касаб, калабатту.

Андрей приостановил коня и взгляделся на купцов. Не столько их необычный вид, сколько красота тканей поразили его. Живущий большую часть в земщине, молодой человек почти никогда не сталкивался с иноземцами, да еще такими, вид которых отличался от привычного. Среди индийцев не было ни одного светловолосого, светлоглазого и белокожего. Неужто они все такие, словно мавры, живущие на краю земли в жарких странах, где никогда не бывает ни снегов, ни морозов? Как же они живут без зимы, ежели в холодную пору приходится столько радостей: катание на санях, купание в морозном прорубе, охота в чаще леса? Нет, с Русью ни одна страна не сравнится, даже богатая алмазами, слоновой костью да шелками дивной красоты.

Вскоре Охотный ряд кончился и глазам открылась Лобное место, широкое и просторное. Стрельцы из царской армии в красных кафтанах с бердышами наперевес ровным строем шагали по центральным улицам, наводя порядок. Возле церкви на папертях толпился разнообразный люд. Здесь сидели и лохматые бабы с кричащими голодными младенцами на руках, и калики перехожие с грязными ступнями, в стороне от них за храмовой оградой сидели

на земле юродивые с безумными глазами и вывалившимися языками, и те, чей облик был обезображен с самого рождения: слепые, калеки с отростками вместо ног или рук, прокаженные с перекошенными либо потемневшими лицами. Смерд от их немых тел витал в воздухе, вызывая приступы тошноты. Один из юродивых, старик, чье тело прикрывало лишь жалкое рубище, подбежал к коню Никиты Федоровича и, схватив его под уздцы, громко воскликнул, в судороге крестясь одной рукой:

– Господи! Услышь молитвы наши, спаси народ православный от геены огненной! Чую, идет погибель на народ русский. Кайтесь, православные, и да услышит Господь Бог наши молитвы!

Никита Федорович вздрогнул всем телом. Он знал, что слова сие обращены ко всем, но в глубине души чувствовал, что погибель идет от руки его и таких же как он сам, и от этой мысли, понимая где-то грехи свои, князь догадался, что старик обращается именно к нему. Вне себя от гнева, словно его заставили оправдываться, он поднял толстую плеть и наотмашь удар ею по лицу юродивого. Тот так и сел на сырую землю, плеть рассекла кожу на его лице, по подбородку закапала кровь.

– Что же делается, на божьего человека руку поднимают! – где-то в толпе прокричала женщина, ей вторили остальные голоса женские и мужские.

Никита Федорович злобно сплюнул на землю и, сдвинув черные брови к переносице, выхватил меч и воскликнул:

– Чего рты свои зловонные пораскрыли! Почто стоите возле меня? Ах, ну, раступись, чернь безродная, куда меч мой не поразил ваши пустые головы!

Народ в ужасе расступился, женщины замолкли и прижали детей к себе. Черная одежда, собачья голова заставили людей подчиниться. Опричники, залившие страну кровью невинных, вызывали в каждом русском человеке неподдельный ужас и страх за свою жизнь.

Андрей, до сей поры стоящий в стороне и видевший, как отцовская рука опускается на голову невинного, вздрогнул от удара, словно били не юродивого, а его самого. До последнего момента юноша сдерживал себя, чтобы не уехать куда глаза глядят, лишь бы больше не встречаться с отцом, но трепет перед ним и страхи детства и на сей раз заставили его подчиниться и двинуться следом за Никитой Федоровичем, который лишь мельком взглянул на сына, но этого мгновения было достаточно для того, чтобы он понял, что творится у того на душе.

Кони, мчавшиеся галопом по московским улицам, быстро миновали церкви и монастыри, коих было великое множество в столице. И когда бешеная скачка прекратилась и лошадям дали отдых, глазам Андрея предстал Спасский собор, окруженный воротами, словно резиденция самого царя. Сам собор стоял как бы в стороне ото всех остальных построек. Облицованный белым камнем, он отличался от иных храмов, возвышался над ними. Словно корабль, плывущий по волнам, собор вздымал к небу, норовясь достать до облаков своим золоченым, похожим на пламя свечи, куполом. Вход в собор был выложен двойной аркой, украшенной профилем, что говорило о великолепном мастерстве зодчего, который и придумал сие украшение.

Солнце осветило маковку Спасского собора и в этот момент раздался звук колокола, призывающего православных на службу. Потом звон повторился. За ним, словно эхо, вторили колокола других храмов, и вскоре вся Москва наполнилась радостным колокольным звоном. Андрей восторженными глазами глядел на собор снизу вверх, в ушах стоял звон, а душа от всего увиденного и услышанного поднималась ввысь, вместе с порывом ветра летя над столицей.

Вскоре из-за угла вышли толпы богомольцев, спешащих в храм для совершения молитвы. В воздухе раздались мужские бормотания, возгласы женщин, на руках у матерей кричали младенцы, и все эти люди: богатые и бедные, знатные горожане и простолюдины – вызвали милую улыбку на лице молодого человека, ему было приятно смотреть на их постные лица, глубокий взор, обращенный вглубь себя, в сердце, и ему стало радостно лишь оттого, что он смот-

рит на них, видит их, слышит их голоса, прежде с ним никогда этого не случилось, но сейчас Андрей понял самого себя, осознал, что суровость и жестокость отца не смогли погубить в нем то доброе начало, которое дано ему было при рождении.

Никита Федорович попятился к забору, уступая место богомольцам, его сурово сдвинутые к переносице брови говорили о его плохом настроении, никогда не любил он глубоко верующих людей и часто за столом, в кругу семьи, высмеивал Марфу Егоровну, которая могла часами воздавать поклоны перед иконами, что стояли в углу. Князь обернулся в сторону и впервые за долгое время широко улыбнулся: к нему на полном скаку ехало три человека в черных, развивающихся на ветру словно вороньи крылья, одеяниях, наводящих на прохожих страх. Каждый, кто видел всадников, бежали к обочине и крестились. Андрей тоже заметил их и даже узнал – то были верные слуги отца Путята, Петр и Василий – молодой парень с красивыми большими глазами, на которые то и дело падали пряди каштановых кудрей. Никита Федорович больно стеганул коня и, не обратив ни на кого внимания, подскакал к своим людям, которые даже несколько замешкались: видано ли, чтобы князь сам к ним ехал? Путята снял шапку и склонил голову в знак покорности и готовности отвечать на любые вопросы.

– Ну? – хриплым голосом спросил его князь. – Вывели что-либо у него аль отмалчивается до сих пор?

– Ничего, княже, поделать не можем. Уже и руки выкручивали, и железо прикладывали, всебес толку. Даем бумагу да перо, говорим, напиши хотя бы имя, а тот голову отвернет и в потолок глядит. Что мы можем еще поделать?

– Экие вы, непутевые! Ничего сами делать не можете. Ну уж ладно, я сам поеду туда, – он обернулся к сыну и приказал. – И ты последуешь за мной, только язык за зубами покрепче держи.

В воздух поднялся целый рой пыли: пять гнедых коней галопом помчались в сторону московской темницы, что находилось сразу за Лобным местом. Подлетев на полном скаку к мрачным воротам здания, построенного из необтесанного камня, Никита Федорович первым спрыгнул за землю и быстрым шагом направился к тяжелой деревянной двери, Путята, Петр и Василий ринулись за ним следом. Лишь один Андрей не спеша слез с лошади и пригладил его гриву – любил он коня своего, потому берег и никогда не стегал. Еще раз помедлив, словно боясь подходить даже на шаг к темнице, юноша коснулся бока отца коня и увидел белый след, оставленный розгой. Конь от прикосновения по больному месту слегка вздрогнул, судорога пробежала по всему телу.

– Успокойся, я не сделаю тебе худо. Бедненький, больно тебе, – Андрей ласково, точно ребенка, погладил гнедого и тот, почувствовав непривычную доброту и ласку из рук человеческих, взглянул на молодца преданными глазами.

Из дверей донесся нетерпеливый голос Никиты Федоровича:

– Андрей, почто стоишь аки истукан у ворот, живо следуй за нами.

– Мне следует идти, видишь, и я не могу ослушаться, – тихим голосом сказал юноша коню и пожал плечами.

Двое стражников указали Андрею путь, и он ступил следом за отцом по длинному темному коридору. Все это место наводило ужас и скованность на каждого, кто впервые входил сюда. Туннель, представляющий собой сплетение коридоров под низким сводчатым потолком, который словно давил на голову, узкие каменные ступени, ведущие вниз в подземелье, тусклый свет факелов, в свете которых предметы казались красными, лязг оружий и цепей, крики, доносившиеся из дальних камер – вот, что такое была темница. Андрею стало не по себе от этого мрака, к которому он никак не мог привыкнуть, от удушливого запаха гари, от стонов пойманных преступников, которых пытали специально к этому люди. Юноша мельком взглянул на спину отца и вытянул вперед свою правую руку, дабы разглядеть ее в тусклом свете, блики факела осветили ее и из-за сочетания тьмы и огня рука показалась ему красной.

Он не помнил, сколько времени шел по коридору, но стоило им лишь спуститься вниз, как перед ними Путята отворил окованную железом дверь, так их взору предстала большая комната, с потолка которой свисали толстые цепи с крюками, поотдаля стояла бочка, доверху наполненная водой, и посередине сидел Иван Семенович, чье лицо за несколько часов постарело больше, чем за десять лет, его спутанные волосы и борода слиплись от спекшейся крови, лицо распухло и посинело от частых ударов, а на левой руке не хватало одного пальца. Купец при виде вошедших восторженно вскрикнул, его мутный взор блуждал по их лицам, и вдруг он весь поддался вперед, его подбородок затрясся, а изо рта вылетело что-то, похожее на мычание. Все уставились на него, все, кроме Андрея. Юноша незаметно отступил на полшага и перекрестился, сейчас он ненавидел себя более, нежели кого-либо иного. В сердце его что-то оборвалось, в глазах потемнело, голова кружилась от запаха крови, от удушливой гари, от вида несчастного, чьи глаза полны были гнева. Понимая, что в любой момент лишится рассудка, Андрей прикрыл рот ладонями и побежал наверх, ноги его сами привели к выходу, возле которого ходили с копьями наперевес туда-сюда рынды. Не желая быть никем замеченным, юноша сел в углу и принялся что есть мочи растирать виски, чувствуя кончиками пальцев вздувшиеся под ними вены. Но это не принесло ему облегчения. Ползком он добрался на стоявшей неподалеку кадки, наполовину заполненной водой, и его вырвало. Ухватившись обеими руками за стену, Андрей попытался было встать, но перед глазами кружились рои невидимых мух, ноги тряслись, а тело бесформенной массой рухнула на каменный пол.

Молодой человек не знал, сколько времени пролежал в бессознании, но слышал шаги, слышал голос отца, произнесшего лишь одну фразу:

– Ну и слабак! Путята, подними Андрея и тащи обратно в пыточную, посмотрим, как он продержится до конца.

Сильные руки подняли юношу как невесомую пушинку и принесли обратно в камеру, что находилась в подземелье. Иван Семенович до сих пор сидел, связанный по рукам и ногам, из разбитой губы сочилась кровь, но он так и не решился взять перо написать имя того, кто был заодно с ним. Никита Федорович подошел к нему и схватил за волосы, сильно рванул на себя. Купец скривил лицо от боли, но не издал ни звука.

– А ну выдай нам имя предводителя твоего, собака! Ты понимаешь, что мои люди могут сделать с тобой? – купец кивнул. – Понимаешь, хвалю. Тогда возьми перо и напиши имя того, кто заставил пойти против меня, говорить-то уж точно ты не можешь.

Путята потер огромные ручища и хромко гаркнул, затем проговорил:

– Княже, а позвол-ка мне поболтать с Иваном Семеновичем, а? Коли он запирается пред тобой, то со мной быстро душу наизнанку вывернет, – и подойдя к окровавленному трясущимся купцу, схватил его за волосы, сильно потянул назад и дыхнул в лицо. – А ну-ка, пес смердячий, покуда запирался ранее, сейчас быстро всю правду-матку выложишь аки на ладони! – и крикнул кому-то в сторону, туда, где стояли бочки в водой. – Акиньев, давай позабавимся с купцом нашим! Приготовь-ка нам водицы – горячей да холодной. Будем по очереди лить на Ивана Семеновича, чередуя: то горячую, то холодную, правда, и выдержит он не долго, но перед кончиной своей напишет имя хозяина своего, который по неразумению направил тятя окаянного на добро князя нашего!

Никита Федорович довольно усмехнулся и уселся на скамью, потирая руки от предвкушении долгожданной казни, после которой несчастный обвиняемый останется без кожи. Путята черпнул в ковшик воды и только было поднес его над головой купца, который что-то бормотал несвязанное безъязыким ртом, от страха дрожа всем телом, как в камеру вбежал взмыленный рында с пищалей наперевес и проговорил:

– Княже, тут к тебе какая-то женщина пришла, говорит, ты ей нужен.

Никита Федорович взмахом руки остановил Путятю и встал со скамьи. Мельком лишь взглянул на Андрея, который все еще сидел в полуобморочном состоянии, и ответил:

– Пусти.

Охранник ушел, но вскоре вернулся, ведя за руку невысокую молодую женщину в длинном черном одеянии. Прядь волос выбилась у нее из-под черной шали, но она ловким движением руки спрятала ее обратно. Увидев ее, Путята охнул и рассмеялся каким-то диким смехом, князь тоже долгое время глядел в лицо молодой женщины и никак не мог вспомнить, на кого она похожа? И лишь один Иван Семенович весь поддался вперед и замычал что есть мочи, из его глаз потекли слезы. То была его супруга, Прасковья, чей облик более напоминал монашеский, нежели купеческий. Купчиха указала белой рукой в сторону мужа и, поглядев каким-то диким злым взглядом на Никиту Федоровича, промолвила:

– Княже, отпусти человека, невинного пред тобою, ибо по неразумению своему он исполнил волю того, кто до сих пор пребывает в покое.

– О чем ты говоришь, женщина? – воскликнул князь и рывком притянул ее к себе, сквозь толстую материю ее одежды он почувствовал все еще упругое молодое тело и кровь с новой силой взыграла в его сосудах: «Ах, молодка, коли ты бы не была замужем...», подумал он, а вслух спросил. – Не хочешь ли ты спасти мужа своего? Именно за этим ты и пришла сюда, верно?

Прасковья вскинула голову, гордо оглядела собравшихся и тут ее взор упал на Андрея, который не видел ее, но слышал ее голос, и от этого самого голоса ему стало не по себе, не думал он, что тайна так скоро станет явью.

– Да, я желаю спасти мужа своего от рук палача, но предупреждаю, что всякое слово, что вы услышите из уст моих – то правда, и в доказательство я целую крест сей, – она вытщила из-за пазухи большой серебрянный крес и поцеловала его в знак того, что будет говорить лишь правду.

Никита Федорович уселся обратно на скамью и не моргая, глядел на красавицу, которая еще раз взглянула на Андрея и прокричала:

– Ты можешь убить меня, княже, можешь в монастырь отправить, ибо жизнь моя после надругательств кончилась, но правда: горькая аль нет, должна долететь до слуха твоего.

– Говори, чего медлишь, – раздраженно спросил князь.

Прасковья указала пальцем на его сына и сказала:

– Вот он, твой сын родной, причина мытарства наших и горя, обрушевшегося на наш дом, – и на одном дыхании, ни разу не запнувшись, рассказала о случившемся, показала мешочек с деньгами, что подарил им тогда Андрей перед дерзким замыслом.

– Как видишь, княже, – закончила она, – не виноват Иван Семенович перед тобой, он лишь покорно исполнил волю сына твоего.

– Ты говоришь, что твой супруг послал тятя о указанию моего Андрея? – неуверенным, каким-то чужим голосом спросил Никита Федорович, он старался выглядеть спокойным и уверенным, однако все внутри у него кипело.

– Да.

Князь встал и деревянными ногами заходил по камере, на миг он остановился перед Иваном Семеновичем, который до сих пор вздрагивал от рыданий и радости при виде жены своей. Он приказал Путяте освободить купца, и когда приказ был исполнен, Прасковья бросилась в объятия мужа и крепко прижала его к груди, тот еле удержался на ногах, и если бы не руки Прасковьи, то он бы упал прямо на ледяной пол.

Никита Федорович какое-то время стоял в нерешительности, глядя в одну точку. Было заметно по его лицу, что его тяготили какие-то думы, о которых он не решался никому говорить. Наконец, взяв себя в руки, как это бывало всегда, князь подошел к Андрею и слегка пнул его ногой. Юноша приоткрыл глаза и блуждающим взором огляделся вокруг, сознание постепенно стало возвращаться к нему и он вспомнил, где находится и для чего. Вдруг его глаза

приметили Прасковью и крик отчаяния вырвался у него из груди, но это так ему показалось, на самом же деле присутствующие уловили лишь хриплый стон из его уст.

– Вставай, сыне, поедим на прогулку подышать свежим воздухом, – сказал ему Никита Федорович, а потом обернулся к Путяте и приказал, – тащи этого щенка за мной да поживее!

– А с этими что делать? – спросил «медведь», махнув в сторону купеческой четы.

– Пусть Петруха выведет их отсюда да прикажет убираться во свояси. Видеть их не желаю!

Иван Семенович глянул на жену и впервые за все время на его лице показалась какая-то замученная, но счастливая улыбка, но Прасковья совсем опечалилась, лицом осунулась, щеки некогда румяные, побледнели. Поддерживая мужа, она следом за Петром вышла наружу, свежий воздух обдал ее лицо, голубое небо раскрылось над головой, рой ласточек пролетели над головой и скрылись за ветвями дерева. Но ничего она того не замечала, в душе было пусто и горько, и даже спасенный муж, так ласково гладивший ее руку, не смог закрыть пропасть, в которую она упала. Взглянув на Ивана Семеновича, Прасковья водрузила на его шею крест, ярко брестевший на солнце, и вдруг взор ее прекрасных глаз потух, качнувшись, она безжизненно рухнула на землю, распластав руки на мягкой траве.

Иван Семенович сел подле тела жены и тихо заплакал: ушла та, которую он любил пуще жизни, теперь у него не осталось ничего: ни дома, ни семьи, ни даже здоровья. Станет он каликой перехожим, будет ходить по городам да селам, милостыню просить. Русский народ добрый, всегда подаст чего-нибудь, а потом после скитаний можно поддаться в монастырь да подстричься в монахи, так и закончить свою жизнь.

Всадники въехали в рошу, что за каменной оградой Москвы, мимо которой текла полноводная река. Мир утопал в тишине и благоденствии, ветерок, что дул с севера, легко качал ветви ивы, спускавшиеся к самой воде. Певчие птички с веселым щебетом перелетали в ветки на ветку, радуясь наступившему теплу и лучам солнца. Стоял май, предвещавший в этом году жаркое лето, наполненное погожими днями и душными ночами. Мухи лениво жужжа, летали над головами людей в шапках, по лицам которых обильно струился пот. Никита Федорович быстро спешил, велел Путяте стреножить лошадей и пустить их отведать сочной травки. Уставшие от долгой скачки животные, весело встряхнули головами и спустились к берегу, дабы напиться воды.

Князь уселся на седло и блаженно потянулся, хрустя суставами: время не пощадило и его. Раньше, еще в молодости, он мог целый день не слезать с коня, теперь же былая сила ушла, сменившись усталостью и грехами, что тяжким грузом легли на его широкие плечи. Он взглянул на старшего сына, который покорно стоял перед ним, опустив руки. Орнамент на его терлике переливался в лучах солнца, а большие глаза смотрели покорно и настороженно. Невольно Никита Федорович залюбовался Андреем, с гордостью выделяя его красивое, слегка округлое лицо, статное тело, волнистые русые волосы, особенно поражали в юноше глаза – такие глубокие, такие красивые, что в них хотелось смотреть снова и снова, Александр со своим хитрым прищуром уступал в привлекательности брату.

Но князь не был бы назначен самим царем опричником, если бы подавил в себе гнев и жестокость по отношению ко всякому живому существу. Так и сейчас, вспомнив, зачем приехали сюда, он наклонился вперед и, глядя на сына строгим взглядом, спросил:

– Догадываешься, сыне, почто мы прибыли сюда аль нет?

Андрей отрицательно мотнул головой, хотя нехорошее предчувствие еще в самой Москве закралось в его душу.

– Ах, недогадливый ты наш, ну да ладно, пытаться загадками не стану, коль не знаешь. Только ты взгляни мне в лицо, очи свои в пол не опускай, чай, не девица-затворница, а муж государственный. Хочу поведать тебе притчу о моей юности. Слушай и внимай. Когда-то, давно еще, будучи отроком неразумным, я услышал от отца слово мудрое, в нем говорилось

о заповеди Божьей, кои должны почитать православные, так вот, эта заповедь гласила: «Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен».

– Я знаю заповедь сию, – сразу ответил Андрей.

– Знаешь? Молодец. А толкование ее понимаешь?

– Да.

– Так поведай мне, а я послушаю, уж больно в последнее время вижу упрямство твое. Давай, чего молчишь? И в глаза мне смотри!

– Сия заповедь означает, что прежде, чем человек узнал о Боге, знали ранее о Нем его родители, и этого довольно, чтобы им поклониться и воздать хвалу и почитание, – юноша умолк и глубоко вздохнул.

– Смышленный, а я-то думал, что ты позабыл, чему мы с матерью учили тебя, а теперь хочу спросить тебя, – тут Никита Федорович вскочил проворно на ноги, рванулся к сыну и со всей силой потянул его за ворот, – говори! – князь озлобленный князь, метая почерневшие от гнева глаза. – Почто чужими руками позарился на мое добро? Почто подкупил Ивана Семеновича, дабы тот подослал ко мне татя? А? Ты, щенок, забыл гнев мой?

Андрей на миг обвел взглядом рощу, мельком посмотрел на Путятю и Петра, стоящих неподалеку, затем снова посмотрел на отца и уверенным голосом ответил:

– Я хотел вернуть то, что принадлежит вдове и ее сиротам, ибо, оставшись без кормильца, коего ты сам погубил, они умрут от голода. Неужто тебе не жаль их, отец? Прошу тебя как сын твой, не бери на душу грех, накорми сирот несчастных, пусть их утробы будут сыты.

Никита Федорович стоял в нерешительности, мольба сына, его добрые глубокие глаза могли бы и возыметь на него силу, да только князь никогда не отступал от начатого, никогда не бросал то, что было решено ранее. Усмехнувшись, он поднял увесистый кулак и взмахнул им над головой Андрея, юноша хотел было отступить, но было поздно, отцовый удар пришелся по носу. Молодой человек упал на землю и почувствовал, как по его губе из носа стекла кровь. Зажав лицо ладонью, он попытался было встать, но посыпавшиеся вновь и вновь удары не давали ему шанса даже повернуться лицом в траву. Никита Федорович пинал сына ногами, бил кулаками по спине, голове, не обращая внимания на его возгласы и мольбу о пощаде.

– Так тебе, щенок, на, получай! Взрастил змееныша на собственной груди, удавлю гада!

– Отец... стой... нет... прошу, молю... остановись! – Андрей хрипел от боли и крови, понимая, что его либо забьют до смерти, либо помилуют.

Солнце бросило косые лучи на его лицо и он почувствовал, как все поплыло словно в тумане, и зеленая роща, и голубой небосклон постепенно куда-то испарились. Андрей из последних сил набрал полной грудью воздуха и лишился чувств. Глядя на него сверху вниз, Никита Федорович снял шапку и вытер ею вспотевшее лицо, его руки лихорадочно тряслись, в голове стоял шум, словно били его, а не другого.

– Бери его, – каким-то иным голосом проговорил князь, обращаясь к верному Путяте, – мы сейчас же трогаемся в путь, – и больше ни на кого не глядя, он прошел к своему коню, самолично расстреножив его, и тяжело уселся в седло. Мир для него сгустился черными красками. Еще никогда прежде не ведал он таких чувств.

Несколько дней Андрей лежал без чувств, иногда впадая в безпамятство. Никита Федорович остановился в доме своего друга, опричника и любимца Ивана Грозного Вяземского Афанасия Ивановича, который с недавних пор получил звание келаря. Сам Афанасий Иванович был несказанно рад приезду незванного гостя, которого поместили в одну из лучших комнат, кормили сладким хлебом, поили медом да холодным квасом. К Андрею был приставлен старый лекарь Арсений, который с большим почтением и нежностью принялся лечить больного, на помощь ему то и дело приходила холопка Ксения, дородная баба средних лет, которая смачивала бинты в травяных зельях и помогала знахарю перевязывать раны на теле юноши.

В это время сам Никита Федорович денно и ночью пировал с Афанасием Ивановичем, обглаживая до костей очередные куриные ножки и бросая их в большую посудину. Во время таких пиров заводился разговор о делах государственных, о ратном деле, поминалась судьба русского народа да грозящие с запада ляхи со своим королем Жигимонтом.

– Видишь ли, дорогой Никита Федорович, – говорил Афанасий, вытирая тыльной стороной ладони усы и бороду, – царь-государь наш батюшка возвращается обратно в Москву из Александровской слободы, снова увидим мы солнышко наше, бич Божий.

– Да, какое трудное время-то настало для всех нас, – с грустью вздохнул Никита Федорович, не разделяя радости Вяземского, – страна истерзана войной с Ливонией, да еще ляхи проклятые желают отобрать земли наши русские да подчинить всю окраину себе. Но, – он поднял глаза к иконе, стоявшей в углу, и перекрестился и продолжил, – Бог милосерден, не даст на поругание люда православного от рук безбожников нечестивых! Аминь.

– Аминь, – Вяземский опрокинул в себя еще одну чару кваса и проговорил как бы невзначай, – митрополит Афанасий не доволен царем из-за введения опричнины, сказывает, мол, нельзя проливать кровь невинную, грех это большой.

Никита Федорович усмехнулся и стукнул по столу:

– Ах, знаю я этих святош. Сами же толкуют, мол, всяка власть от Бога. Самим Собором было благословение на поимку злоумышленников всяких да татей против царева трона, а теперь носы воротят да языками чешат: грех это, грех то, грех чё. А как что, так к кормушке царской бегут, выпрашивают подаяния да дары храмам.

– Я сам говорил государю, что негоже попов к власти подпускать, знаю я этих в рясах, чуть отвернешься, так они все себе приберут, а потом и власть всю в свои руки захватят. Видали мы примеры, каково королям в этих Европах живется: без благословения Папы и шагу ступить не могут, будто и не они корону носят, но у нас на святой Руси, покуда стоит православие, власть царя-самодержца не будет поколебима никакими бедами!

– За царя, – поднял кубок Никита Федорович.

– За царя, – промолвил за ним Афанасий Иванович.

Прошло три дня. Андрей, наконец-то, пришел в себя, хотя силы его были истощены полуголодным существованием и болью во всем теле. С помощью знахаря Арсения и холопки Ксении, юноша быстро пошел на поправку, и вот через два дня смог держаться в седле, хотя боль в голове иной раз давала знать о пережитых ударах.

Поблагодарив гостеприимного хозяина и получив в дорогу благословения, Никита Федорович тронулся в обратный путь домой с чувством выполненного долга. Когда они выехали из городских ворот, за их спинами раздался колокольный звон. Андрей оглянулся на этот звон, но было радости, что испытал он по приезду в Москву уже не было, с тяжелым чувством глядел он на своего отца и таившаяся в его сердце ненависть, которую он старался убить в себе, вырвалась наружу, готовая возыметь над его разумом, но молодой человек сдержал себя – шатким было его положение в семье, очень шатким.

Александр был несказанно рад встречи с отцом. Несколько дней подряд он каждое утро выбегал на подворье и вглядывался на калитку, прислушивался к конскому топоту, к голосу, до боли знакомому с детства. В его черством, в какой-то мере, жестоком сердце зародился маленький отросток нежности, и этот самый отросток дал себя знать в тот момент, когда навстречу Марфе Егоровне ринулся Андрей, а за ним следом Никита Федорович. Александр коротко поздоровался с нелюбимым братом, зато отца принял в свои крепкие объятия, его сердце разрывалось от радости, ловя ртом воздух, он с перерывами поведал о своем сватовстве, но князь настолько устал с дороги, что приказал для начала попариться с сыновьями в бане, а уж потом все поподробнее обсудить: что да как.

Никита Федорович с блаженной улыбкой бил себя березовым веником, полной грудью вдыхая горячий пар, исходивший от раскаленных камней, на которые то и дело капал воду Александр. Молодой человек живо рассказал о своем пребывании в доме Глеба Михайловича, о неожиданной встрече с его дочерью Анастасией, в чью красоту влюбился в безпамятстве. Князь облокотился на край скамьи и прикрыл глаза, однако боковым зрением следил за старшим Андреем, понуро сидящем чуть поотдаль. В его сердце не было жалости к сыну, напротив, он подумывал, что Андрей слишком легко отделался, нужно было бы ему еще в роще снять голову, да вспомнил о жене своей, которая не переживет смерть своего любимца.

Александр хохнул и закончил рассказ с единственным вопросом:

– Отец, так ты согласен посвататься к Глебу Михайловичу? Я недавно говорил с матушкой об этом, да она воспретила делать что-либо без твоего ведома.

– Этот... Глеб Михайлович, – спросил Никита Федорович, открыв глаза, – смог выкупить землицы аль все еще в мелких дворянах ходит?

– Да выкупил уж как месяца четыре, дом себе выстроил двухярусный с большим крыльцом да челядью обзавелся.

– А, ишь какой Михайлович этот. А дочь ее правда ли настолько хороша, как о том поговаривают?

Глаза Александра вспыхнули ярким огнем, о своей любимой, ненаглядной Настасьи он мог говорить денно и нощно:

– Да еще краше. Лицо ее настолько красую лепа, что словами не передать да пером не описать. А волосы большие русые, трубами до самой земли спускаются, а кожей бела точно снег, губами червлена, бровями союза. Покуда не женюсь на ней, не отстату от тебя, а ежели воспротивишься о сватовстве, так руки на себя наложу, вот.

– Вона как. Ин ладно, чрез день отправлюсь с Марфой поглядеть на сию отроковицу да с Глебом Михайловичем потолкуем. Завтра пойдем все вместе к заутренней в храм, помолимся о судьбе нашей, о грехах покаимся.

Андрей слушал их разговор все это время полузакрытыми глазами, словно не было до них никакого дела, но в душе его все кипело, все было преисполнено ненавистью и ревностью. Чувствуя себя чужим среди своих, юноша глубоко вздыхал, из последних сил сдерживая слезы, что невыплаканными каплями душили его. В голове вился один и тот же вопрос: как братец мог так вот запросто уговорить отца о своих намерениях, почему Никита Федорович ни секунды не противился против воли его, почто любил он младшего более старшего, в чем его, Андрея, вина пред отцом, если тот никогда не поддерживал его, никогда не заглядывал в его душу, ни разу не спросил, чего желает САМ Андрей? Дабы скрыть волнение, он взял в руки веник и побил им себя по спине. Никита Федорович, заметив в нем перемену, обратился к нему:

– Чего, Андрюха, пригорюнил? Аль кручинушка какая на сердце твоём? Почалишься, что не ты первый женишься, а брат твой младший? Ну ничего, – похлопал своей тяжелой рукой по его спине, – найду и тебе благородную невесту-красавицу, есть у меня такая на примете, дочь друга моего, Еленой зовут.

– Отец... – только и сказал было Андрей.

– Нет, нет. Не стоит меня благодарить, ибо я как отец ваш обеспокоин судьбами вашими. Вот и порешил: поначалу женим тебя на Елене, а уж затем Сашку на Анастасии, а то негоже младшему жениться ранее старшего.

Тут голос подал недовольный Александр:

– Отец, ежели поначалу сыграем свадьбу Андрея, сколько времени мне ждать моей Анастасии?

Никита Федорович глотнул квасу, прочистил горло и только затем ответил:

– Не торопись, сыне, великие дела не решаются сразу. Осенью женим брата твоего, а ближе к зиме и тебя.

– Столько ждать? – воскликнул юноша и вскочил со скамьи. – Не желаю этого! Уж лучше я сам выкраду люблю мою и повенчаюсь с ней в какой-нибудь церквушке без свидетелей.

Наступила гнетущая тишина. Андре со злорадным смешком уже ожидал отцовского гнева, что мог обрушиться на голову строптивного брата, но не тут-то было: Никита Федорович глубоко вздохнул и спокойным голосом спросил:

– Дщерь Глеба Михайловича действительно дорога тебе?

– Да! – живо ответил Александр.

– И ты правда сильно любишь ее?

– Больше жизни! Нет без нее счастья для меня.

– Ладно, – устало махнул князь рукой, – будь по-твоему.

Глаза Андрея широко расширились. Как же так: снова брат оказался победителем, а ему ничего. Ни на кого не глядя, он встал, прошел в предбанник и окропил себя холодной водой, почувствовав блаженство во всем теле. Пока он одевался, мысли одна за другой роились у него в голове, но на вопросы, что задавал сам себе, не находил ответа.

После бани, когда семья уселась за стол в трапезной, Андрей не спустился даже поужинать со всеми. Обессиленный, озлобленный на собственного отца, молодой человек остался в своей комнате, тускло освещенной лишь одной свечой. Он глядел в потолок, а невыплаканные слезы тяжелым комом легли на его грудь, сдавливая сердце грустными мыслями. Постепенно в сознание пришел сон, наполненный страшными картинками, и от этого: от зловещей судьбы, от дурных сновидений – Андрей резко проснулся посреди ночи, когда на небе уже светила полная луна. Поначалу он не понял, почему оборвался сон, но немного прийдя в себя, почувствовал, что подушка мокрая от слез: оказывается, не во сне, а наяву он плакал. Невольно юноша представил лицо брата Александра – довольное и счастливое, а рядом с ним его суженную Анастасию, а вот Елену, которую пророчил отец ему в жены, он не видел. И от этого стало еще горестнее, еще хуже. Как так получилось, что брат всегда добивался своего, а ему, Андрею, выпала доля бессловесного подчинения?

Рано утром с криками петухов вся семья Ташеев проснулась. Холопы уже приготовили чистую одежду, накрыли утреннюю трапезу. Никита Федорович бодрым шагом протопал в комнату старшего сына и громко постучал в дверь. Невыспавшийся, бледный Андрей встал с кровати и подошел к умывальнику, дабы помыть лицо холодной водой. Невольно его взгляд устремился на зеркало, откуда на него смотрело доселе неизвестное лицо с опухшими веками. Андрею вообще не хотелось никуда идти, а тем более, с отцом и братом, но послушаться не мог: князь не простит, а мать ничем помочь не сможет.

При виде старшего сына Марфа Егоровна пришла в ужас – такого его она не видела.

– Уж не заболел ли ты, Андрюшенька? – тихо, дабы Никита Федорович не услышал, спросила она.

– Нет, матушка, со мной все хорошо. Дурные сновидения видел нынче ночью, только и всего.

Княгиня перекрестила сына и прочитала молитву от сглаза и нечистой силы.

Возле паперти храма в это воскресное теплое утро толпились люди: мужчины, женщины, подростки да дети малые, были даже младенцы, кричащие на руках матерей. Разношерстный люд в богатых и бедных одеяниях пришел на молитву, дабы замолить грехи и получить благословение священника.

– Ох, – промолвил один старик в толпе, поддерживаемый должно быть сыном за руку, – когда же отворят двери и впустят в храм-то?

– Погодь, отец, – ответил кто-то, стоящий рядом, – еще рано.

Никита Федорович с высокомерным видом оглядывал холопов-простолюдинов. Сам он, в окружении сыновей и верных людей, стоял чуть поотдаль, дабы бедняки не смогли прикоснуться к его одежам. Отдельным рядом стояли в ожидании жены и дочери дворян, бояр, кня-

зей. Их украшенные биссером и камнями повязки и кокошники были спрятаны под туго сидящими платками. Этих девушек и женщин специально держали в стороне, словно драгоценные камни в невидимой хрустальной шкатулке.

Стая голубей взметнулась ввысь к голубому небу, и все присутствующие проводили их полет радостным взором. Раздался колокольный звон, потом еще и еще. Кто-то, стоя на паперти, перекрестился. Тяжелые дубовые двери храма открылись и толпа богомольцев ринулась во внутрь, проворно работая руками и локтями. Молодые послушники, еще не возведенные в сан, с лукавой улыбкой оглядывали прихожан, подумывая о том, как меняются люди: в дверях такие проворные, а как войдут в храм, так сразу делают постное лицо, глаза опускают, подходят к иконам, молятся. Иной раз казалось, что те, кто только что стоял на паперти и те кто потом вошел в храм – разные люди.

Никита Федорович и его сыновья зажгли свечи пред святыми образами, тайно про себя помолились, но даже после молитвы между ними не спадало напряжение. Князь всегда ходил на воскресную службу именно в этот храм не спроста: именно здесь вел службу отец Алексей – его давний друг детства.

Богомольцы собрались в одном месте, встав плечом друг к другу в ожидании Божественной литургии и совершении Евхаристии. Отец Алексей вместе с диаконом высокими сильными голосами прочитали «входную» молитву пред закрытыми царскими воротами. Толпа, опустив глаза, в полной тишине слушала. Отец Алексей, закончив молитву, вошел в алтарь и с помощью юных прислужников надел на себя священное облачение, блестящее при свете свечей яркими камнями.

Совершив Проскомидию над пятью хлебами-просфорами, символизирующие жертвоприношения, священник взял тяжелое золотое кадило и нараспев взмолил Бога благословить Святые Дары – хлеб и вино. Запах хлеба, ладана, свечей витал в воздухе и был приятен.

Алтарь закрыли. Чтец на клиросе – молодой, миловидный юноша, красивым певучим голосом прочитал Часослов. Богомольцы немного встрепнулись и подались вперед: сейчас начнется Литургия очищения. Раздался и тут и там крики младенцев, уставших сидеть на руках матерях.

– Благослови, владыко! – провозгласил диакон.

Отец Алексей, стоящий пред алтарем, произнес прославление Святой Троицы. Хор, состоящий из молодых людей, громко произнес: «Аминь». Присутствующие перекрестились и склонили головы в поясном поклоне.

– Миром Господу помолимся, – проговорил нараспев диакон и тут же произнес великую ектению.

Хор юношей красивыми голосами исполнил псалмы и песнопения, которые звонко раздалась под куполообразными сводами храма. Царские врата открылись, а отец Алексей вместе с диаконом вышли из алтаря через северный вход, в руках держа Святое Евангелие.

Александр, стоя чуть поотдаль от отца и брата, начал уставать. Он никогда не любил нахождение в храме, ему не нравился запах ладана и толпа богомольцев, состоящей из бродяг, смердов, юродивых и прокаженных. Юноша про себя посмеивался над фанатизмом молящихся, чьи спины склонялись в молитвенном поклоне, а лбы касались холодных плит храма. И когда началась Литургия верных, молодой человек, отойдя в сторону, принялся рассматривать собравшихся, особенно его влекло туда, где отдельно стояли дочери именитых людей в окружении своих прислужниц. Даже скромные одеяния и длинные платки не могли скрыть их белых, нежных щек. Глаза Александра метались от одной красной девицы к другой – все они были хороши, но вдруг его сердце на миг замерло, в голове зашумело: он увидел ту, о которой грезил день и ночь. Анастасия стояла среди знатных дев, выделяясь ростом и пухлыми алыми губками,двигающихся при чтении молитвы. Ее нежные, тонкие пальчики рук держали свечу, а глаза – большие, серые, глядели в пол, словно красавица оставалась среди брэнного мира

лишь плотью, а душа и мысли ее витали где-то далеко, за пределами сего мира. Ах, как она была хороша в такой миг! Лишь на короткое время девица взмахнула пышными ресницами и глянула вокруг себя, но видела ли она среди богомольцев того, кто любил ее пуще жизни, не известно.

Сердце Александра учащенно забилося, он, позабыв, где находится, тихо подошел к отцу и дернул того за рукав. Никита Федорович обернулся к сыну и тихо спросил:

– Ты чего?

– Отец... Там она...

– Кто?

– Настенька моя, дочь Глеба Михайловича, – юноша украдкой указал на самую высокую и самую красивую девушку.

– Это и есть Анастасия? – князь сам тут же позабыл о молитве и жадно уставился на девушку, признав самому себе, что она уж больно хороша собой, даже более того, пожалуй, самая красивая девица, когда-либо встречавшаяся ему на пути. Вот только высокая слишком, ну да ничего: Александр сам не малоросток, перегнал и отца, и старшего брата, вон какой молодец вырос: высокий, статный, хорошо сложенный, в любом случае все же выше Насти.

Служба подошла к концу. Отец Алексей, видевший Никиту Федоровича в толпе, удивился, почему князь на сей раз не подошел к нему, почему не поздоровался даже? А, махнул владыка рукой, инь ладно, обиделся, наверное.

Спустившись с паперти на подворье, князь настиг Глеба Михайловича и потянул того за богатый кафтан. Дворянин обернулся и с громким возгласом всплеснул полными руками:

– Ах, Никита Федорович, давненько не видел тебя!

– Соскучился? – с улыбкой спросил тот и похлопал собеседника по плечу.

– Да, соскучился, как же. Все дела да заботы, а к старому другу времени нет захватить, кваску попить, в баньке попариться?

– Это можно.

– Ну вот, уже хорошо. В любое время приезжай, посидим, поболтаем, – Глеб Михайлович вдруг вскинул голову и посмотрел на ясное неба, в котором стайкой кружились ласточки, – помнишь, Никита, раньше в сызмальстве гурьбой бегали по лесам да рощам, играли целыми днями, а теперь что: лишний раз поговорить по душам нельзя.

– Да, было время. Но ты, Глебушка, не переживай так, в скором времени каждый день видеться будем, надоем тебе.

Дворянин непонимающе глянул на князя, а тот, усмехнувшись его недогадки, пояснил:

– Завтра сватов жди да на стол накрой.

– Сватов?

– Ну, мой сын Александр поведал мне о красе твоей Анастасии, целыми днями только о ней толки и ведет, говорит, люблю не могу. Ну, друг любезный, скажи хоть ты слово отцовское: хорош мой сын для дщери твоей или же есть на примете иной молодец?

Глеб Михайлович кашлянул в кулак и тихо ответил:

– Дочь моя любезная будет только рада такому событию, а я отговаривать не стану. Все же лучше с другом породниться, чем с каким-нибудь неизвестным удельным князем из глубинки.

– Так мы договорились? Сватов ожидаешь?

– Да, завтра пополудни.

– Хорошо.

На том и расстались. Душа Александра от радости пела пуще прежнего: наконец-то, любимая станет его женой, он будет каждый день видеть ее, слышать ее голос, целовать в сладкие уста.

Андрей, который до этого вместе с матерью и служанкой, прошел к возку, мельком лишь взглянул на невесту брата и слезв горечи застелили его глаза. Вот, думал он, все Саше да Саше:

и в жены ему первую красавицу, да не просто, а по любви свадьба будет, и приданное какое, и тесть не последний человек. А что ему, Андрею? После сватовства к Анастасии отец возьмет его в дом князя, у которого сидит у оконца девица Елена. Никита Федорович так решил, а кто спросил его самого – любит ли он Елену эту, ежели ни разу не видел ее? А вдруг она окажется некрасивой, либо глупой, либо просто не по сердцу придется? Тогда как жить с нелюбимой, от которой сбежать захочешь? Как растить детей? Как встретить вместе старость? Но тут Андрей остановил хоть своих мыслей, подумав: а что, ежели Елена будет еще краше Анастасии, а вдруг его сердце тоже испытает доселе неведанное чувство и он также как и брат полюбит суженную свою?

На землю опустилась ночь. Полная луна ярче солнца освещала странникам путь. Где-то в саду, в траве, трещали цикады, где-то вдалеке раздался собачий лай, а затем все смолкло, погружившись в сладкий сон.

Анастасия, лицом уткнувшись в мягкую подушку, мучилась бессоницей. Сердце ее гулко билось в груди от мысли, что завтра, уже завтра, придут сваты от любимого Александра, с которым она свяжет судьбу свою. Но вдруг ей стало страшно: каково там, в замужестве, что почувствует она, когда придется покинуть отчий дом, расстаться с отцом и уехать с другим человеком строить собственную жизнь? Но такая мысль уступила место сладким девичьим мечтам о вечной любви. Красавица смежила веки и только хотела было заснуть, как об оконце кто-то стукнул. Вскочив испуганно на ноги, девушки подошла к окну и глянула на темный сад – там никого не было.

– Должно быть, это ветка, – успокоила она себя и только хотела было вернуться к теплой постельке, как стук раздался вновь.

Анастасия расстворила ставни и глянула вниз: на земли лежал завернутый в пергамент камешек. Не долго думая, забыв все наставления отца и няньки, скромница преодолела страх и вылезла через окно на улицу. Скрываясь в тени могучих деревьев, девушка бесшумно прошла к высокому забору и остановилась в нерешительности

Подул ветерок. Кроны деревьев качнулись туда-сюда. Анастасия испугалась и только хотела было вернуться назад, как рядом мелькнула чья-то тень, потом раздался шаг. Девушка зажала рот руками, дабы не вскрикнуть, но тут подле нее появился тот, о ком она грезила все это время. Александр в обычной одежде и мягких сапогах без каблуков стоял перед ней и с нежной улыбкой глядел в ее прекрасные глаза. Анастасия слегка улыбнулась, в лунном свете блеснули ее белые ровные зубы.

– Вот мы и встретились, душа моя, – тихо промолвил юноша и вплотную приблизился к ней.

– Неужто у тебя нет терпения? – попыталась было отстраниться девица, но не сделала ни шагу назад.

– Зачем ждать, коль завтра, ты понимаешь, уже завтра придут к твоему отцу мои родители, дабы назначить день свадьбы и выяснить о приданном нашем? Ты рада?

Анастасия качнула головой и прижала ладони к сердцу. Камни ярко вспыхнули на ее повязке, что украшала лоб и волосы ее, длинные серьги качались в такт ветра. Она стояла, залитая лунным светом: высокая, прекрасная, с длинной до земли косой, перекинутой через плечо на одну сторону. В висках Александра забурлила кровь, он не мог поверить, что видит возлюбленную в таком виде – не с покрытой головой, босой, в легкой ночной рубашке, но она не убегает, не прячется, а стоит, смотрит на него своими большими глазами. Молодой человек решительным движением руки прильнул красавицу к себе и дотронулся губами ее губ. Анастасия даже не дернулась. Тогда он осмелел: одна рука его расстегнула верхнюю пуговицу на ее ночной рубахе и залезла под нее, дабы нащупать сокрытую под нею упругую грудь. Другая его рука спустилась с талии вниз и потянула подол юбки вверх, обнажив до колен стройные ножки.

Анастасия предавалась до сей поры невиданным чувствам, но когда рука возлюбленного обнажила ее ляжки, красавица вдруг оттолкнула его и, отбежав в сторону, прикрыла грудь рубахой.

– Ты чего? – удивленно уставилмя на нее Александр, придя в себя.

– Нет, не надо. Подожди до свадьбы.

– Да чего ждать-то? – юноша снова подошел к ней и прижал к себе. – Боишься, что после этого я оставлю тебя?

Девушка опустила голову, но ничего не ответила.

– Ты не веришь мне? – переспросил он.

– Я боюсь...

– Чего? Меня?

Красавица отрицательно мотнула головой и на миг обернулась к дому, словно боясь, что их кто-то увидит. В это время, пользуясь ее замешательством, Александр снова притянул ее к себе и каснулся до ее сладких уст. Сквозь его одежду девушка почувствовала его вставшую крайнюю плоть и снова испугалась.

– Нет, – воскликнула она и отбежала в сторону, – прошу тебя, подожди до свадьбы, ибо я не хочу опозорить отца своего.

– Не бойся так, я не дам опозориться ни тебе, ни родителю, что породил тебя на свет ради меня. В брачную ночь я порежу свой палец и кровь моя каплями упадет на простынь, а на утро ты вынесешь ее на обозрение как доказательство твоей непорочности.

Этих слов Анастасия испугалась. Нет, не могла она обманом начинать супружескую жизнь. Воспитанная в духе русского православия, красавица понимала, в какую пропасть могут привести ее страстные порывы, нашептываемые молодостью и красотой суженного. Александр полностью проникся к ней симпатией, отметив, что дочь Глеба Михайловича не просто красавица, но еще умница и добродетельна. Решив, что не станет до свадьбы порочить невинную честь ее, он лишь страстно поцеловал в ее покрасневшую от смущения щечку и словно кошка взобрался на ветку дерева, оттуда прыгнул на забор и растворился во тьме. Анастасия все еще стояла в саду, не решаясь вернуться в дом.

Когда все смолкло, девушка пришла в себя и быстро добежала до своего оконца. Ее тело колотила мелкая дрожь, но отчего, того не ведала. Оставшееся время до рассвета красавица провела без сна, лежа на кровати. Она не могла поверить, что такое могло произойти, но чувства переполняли ее, вливаясь потоком в сердце. Ей было приятно вспоминать влажные уста Александра, его сильные руки, которые держали и мяли ее грудь, ощупывали талию и бедра, все это было впервые, но как сладостно. Девица потянулась всем своим длинным телом и блаженно улыбнулась во тьму, вновь и вновь вспоминая ласки Александра.

Яркая луна освещала все вокруг: и страстно целующихся возлюбленных в саду под яблоней, и сидящих за столом дородного Алексея Елизаровича и дряхлого, сухого старика – боярина Симеона Тимофеевича. Оба поедали нарезанное ломтиками свиное мясо и запивали из кубков старым вином. Алексей Елизарович влил в рот вино, погонял его какое-то время, а потом со сморщенным лицом проглотил, будто оно было ему не по вкусу. Симеон Тимофеевич глянул на гостя и выдавил из себя смешок: пришел, дескать, с нерадостной вестью, да еще угощением хозяина чурается. Позвать бы конюха – здоровенного детину, дабы выкинуть вон из дома Елизаровича, да нельзя, вдруг пригодится еще?

– Так ты говоришь, назавтра сваты придут? – переспросил старик, выплеснув на скатерть вино.

– Правду говорю тебе, неужто врать мне сподобилось? – после этих слов Алексей Елизарович перекрестился.

– Да ты не серчай, гость мой званный, пей, ешь, покуда я добрый, а не то...

– Что? Что ты мне сделаешь, а? – крестный Анастасии придвинулся к хозяину дома и сверху вниз глянул на него страшным взглядом, но тот даже не отодвинулся, ни один мускул не дрогнул на его старческом, пожелтевшем лице.

– Сядь спокойно, Лешка, не у себя ты дома, а в гостях, и не ты должен злиться на меня, а я на тебя. Давненько ли ты, мой любезный друг, баял мне на ухо о красоте твоей крестнице, обещал свидеть меня с ее отцом, Глебом Михайловичем. Я тебе за такую услугу даже перстень подарил, думая, что такой муж как ты, сдержит слово свое, а ты ничего не сделал.

– Откуда мне было знать, что все так получится? Это сватовство нагрнуло как снег на голову, что мне оставалось делать? Не встать же между Глебом Михайловичем и Сашкой Ташеевым?

Симеон Тимофеевич захохотал каким-то страшным голосом, будто сам демон сидел в нем. Отсмеявшись вволю, он проговорил:

– Краса Анастасия мне нужна и покуда я жив, она станет моей, чего бы мне этого не стоило, а сделаем вот что... – старик наклонился к уху гостя и что-то долго говорил ему, тот сидел с потускневшим взором и лишь одобрительно кивал головой, в конце Симеон спросил его, – Романа Филипповича знаешь?

– Да.

– Вот пусть он и поможет тебе в этом деле. Сам-то ты вряд ли что-то сделаешь.

– Да что же я с этим лиходеем дело буду иметь? Нет и нет, я умываю руки, а ты сам уж...

Боярин хрипло кашлянул в кулак и протянул руку со словами:

– Перстень давай сюда.

Алексей Елизарович как-то весь напрягся, зло огляделся по сторонам и промолвил словно школьник, не выучивший урок:

– Дак я его уже продал, что мне возвращать-то?

– Ах, продал значит, ну тогда тебе ничего не остается как подсобить мне, а уж я в долгу не останусь. Мне лишь бы красавицу мою достать, а там хоть трава не расти.

– Счастливый ты, Симеон Тимофеевич, одна только забота – молодку подавай на твое ложе.

– То-то же, – старик весело засмеялся и покачал в воздухе перстом.

В назначенный день пришли к Глебу Михайловичу сваты. Никита Федорович и Марфа Егоровна принесли множество подарков для будущих родственников: украшения из жемчуга, меха соболиные, пряники медовые, мед в деревянном бочонке. В это время взволнованная Анастасия ожидала в своей горнице, время от времени разглядывая себя в зеркальце: кожа бела, щеки румяны, брови густо накрашены сурьмой, глаза подведены, лишь губы ее – красивые, алые, не тронуты помадой. Длинные серьги с яхонтами придавали ее лицу величественный вид, а повязка в виде маленькой короны, украшенная камнями и биссером, сделала ее обычную прическу в виде косы столь прекрасной, как сам цвет волос ее – русый, с золотистым оттенком. Тонкие пальчики Насти от волнения то и дело крутили бусы, перебирая их словно четки. Нянька как увидела это, так сразу взяла ее руки в свои, поцеловала и произнесла:

– Красавица моя, солнышко ясное, успокой сердце свое, не тереби украшения свои.

– Как мне успокоиться, нянюшка, коль решается судьба моя? – девушка приблизилась к старушке и крепко, от всей души, прижала ее к своей груди.

Нянька всхлипнула, но взяла себя в руки. Еще раз осмотрев свою воспитанницу, она пришла в восторг: столь дивной красоты по всему миру ищи, а не сыщешь. На шелковую рубаху, чьи длинные рукава по краям были украшены вышивкой, был надет шушун золотисто-красного цвета – распашное на пуговицах платье с глубоким вырезом спереди и с висячими фальшивыми рукавами, ниспадающих почти до пола. На изящных ножках красовались сафьяновые сапожки алого цвета с вышивкой из золотых нитей на высоких каблучках. И до того высокая, Анастасия теперь, пожалуй, оказывалась одного роста с суженным Александром.

– Ах, люблюсь я на тебя, воспитанница моя, а на глаза слезы наворачиваются, – промолвила тихо нянька и вытерла лицо носовым платком.

– От чего, нянюшка? От чего, родимая? – искренне спросила девушка.

– Уж очень ты похожа на матушку свою, которая умерла сразу после твоего рождения. Отец твой да я постарались заменить тебе покойную, лелеяли тебя словно диковинку, словно розочку в саду. Вот теперь смотрю на тебя и глаз радуется – какая прекрасная девица выросла, ты даже превзошла матушку свою.

Анастасия улыбнулась и, взяв свою большую косу в руки, присела рядышком со старушкой. Нежными, девичьими пальцами она вытерла катившиеся по лицу той слезы и снова, только крепче, обняла ее, прижала к своей груди, понимая, что в скором времени покинет и этот отчий дом, и няньку, которая стала для нее дороже всех на свете.

В горницу какой-то тяжеловатой, неуклюжей походкой вошел Глеб Михайлович. При виде отца девушка поднялась и, поклонившись ему, опустила глаза в пол. Мужчина оглядел дочь с ног и головы и обрадовался: такую красавицу не грех и самому царю сосватать.

– Сваты пришли, Настенька. Пошли.

Красавица покорно последовала за Глебом Михайловичем, стуча по полу каблучками. Когда они прошли в комнату, где их появления ожидали Никита Федорович и Марфа Егоровна, Анастасия вдруг перестала волноваться – бояться, оказалось, нечего. Она ощущала на себе заинтересованные взгляды родителей жениха и от этого у нее ярко вспыхнули щеки, что не укрылось от будущей свекрови, которая нашла девушку сказочно прекрасной, причем настолько, что придраться не к чему, и даже высокий рост невесты сына не смутил серьезную женщину.

Глеб Михайлович с гордым видом глянул на Никиту Федоровича и проговорил:

– Се есьм дщерь моя, Анастасия, семнадцати лет от роду.

Девушка слегка вскинула прелестную головку, рефейные нити качнулись в такт ее движению. Присев рядом с отцом напротив сватов, она даже не рассмотрела будущих свекровь, такая была скромница, такая набожная. Анастасия погрузилась в разглядывание узоров на своем наряде, а о чем толковали отец с Никитой Федоровичем, того не ведала, да и зачем ей было прислушиваться к разговору, все равно судьбу девиц решали родители, и от ее взгляда ничего не зависело.

Позже, когда сваты ушли, девушка отправилась обратно к себе в горницу, дабы переодеться в обычную одежду. Скинув дорогой шушун, она свободно, как-то облегченно, вздохнула и надела свой любимый нежно-розовый сарафан с жемчужными пуговицами. Нянька принесла ее незаконченную работу, где красавица вышивала райских птиц на большом полотне. Присев на скамью, девица снова принялась за работу: времени было достаточно до свадьбы – почти шесть месяцев, уж она-то успеет приготовить и сотканный ковер, и платье в подарок Марфе Егоровне.

– Брось ты эту вышивку, дай-ка закончим ковер, а не успеем к свадьбе твоей, – проговорила старушка.

– Не переживай так, родимая, все успеется. А ковер почти соткан, я меньше, чем за месяц управлюсь с ним, – ответила Анастасия и уткнулась в пяльца.

Дверь в горницу со скрипом отворилась. Глеб Михайлович в длинной рубахе, подпоясанной кожаным ремнем, прошел к дочери и сел с ней рядышком. Лишь на секунду взглянув в дальний угол, он сказал:

– Оставь нас, мне необходимо поговорить с дочерью наедине.

Старушка бесшумно удалилась, прикрыв за собой дверь. Когда они остались одни, мужчина проговорил:

– Вот и пришла пора, доченька, готовиться тебе покинуть отчий дом и вступить в иную жизнь с человеком, которого ты до этого не знала.

– Я готова, батюшка. Не волнуйся, пусть твое сердце пребывает в спокойствии.

– Знаешь, Настенька. Когда умерла твоя мать, я поклялся себе сделать тебя счастливой, ты ведаешь, что я ни в чем не отказывал тебе, растил и берег словно драгоценность на дне моря. Скажи мне, только правду, ты была счастлива в моем доме?

– Да, батюшка. Время, проведенное подле тебя, самое счастливое для меня!

– Я рад слышать это, теперь знай, что после того, как переступишь порог дома супруга твоего, твоя жизнь будет зависеть от него. Сделай мужа счастливым, роди ему детей и он окружит тебя заботой и любовью, ты не будешь тосковать по отчужденному дому.

– Но будем ли мы видеться, отец мой?

– А разве в обычаях у нас оставлять родных по крови? Знай, покуда я жив, я всегда буду оберегать тебя, как некогда носил тебя на своих руках.

Глеб Михайлович смолк, к его горлу подступил комок рыданий, который он более не мог скрывать. Прикрыв лицо ладонями, дворянин упал на колени Анастасии и заплакал, понимая, что пришло время отдавать единственную дочь, свою кровинушку, замуж. Анастасия коснулась его волос и вдруг резко прижала голову отца к своей груди. Две крупные слезинки скатились по ее щекам.

Отец и дочь, в душе обрадованные предстоящей свадьбе, не догадывались, что не все в их семье разделяют их чувства. Алексей Елизарович, словно тень присутствующий подле Глеба Михайловича, с нарастающим раздражением глядел на счастливую крестницу, которая скромницей сидела в полутемной горнице, время от времени глядя в оконце на голубое небо и плывущие по нем облака.

Большой, грузный Алексей Елизарович несколько дней пребывал в нерешительности: как знать, что будет потом с ним, ежели он решится осуществить дерзкий план. Он то и дело ходил по комнате, наливал из кувшина вина и залпом выпивал, туша в сердце нарастающее раздражение и на Глеба Михайловича, и на Симеона Тимофеевича, и на ничего неподозревавшую Настеньку – дочь его покойной двоюродной сестры. Хмель постепенно ударил в голову и мужчина, с глубоким стоном усевшись в кресло, постучал кулаком по столу, словно желал одним ударом раздавить образ Симеона Тимофеевича: перед его взором до сих пор стояло злое, старческое лицо, щуплые ручки боярина ухватили за ворот кафтана Алексея Елизаровича и принялись трясти, думая, что таким образом вытресет всю правду.

– Ты должен мне доставить красавицу, – шипел словно змей старик, – хоть навоз ешь, хоть зад разорви, но Настька обязана быть здесь, – он указал кривым пальцем на скамью, – вот на этом самом месте, подле меня!

Крестный девушки пообещал исполнить все, что требуется, но его останавливало лишь сватовство Александра Тащеева, чей отец, суровый нравом опричник, не прощал нанесенные им обиды, до сих пор по округе ходили толки о судьбе купца Ивана Семеновича и тайном исчезновении вдовьего сына Олешки, которого нашли позже на берегу реки с перерезанным горлом. Алексей Елизарович не желал себе подобной участи, не хотел погибнуть от рук супостата безбожного, боялся корчиться в муках в московской темнице, истекая кровью и потом. Но, с другой стороны, Симеон Тимофеевич был не из тех, кто бросал слова на ветер: если пожелает, с него живого кожу сдерет и рука не дрогнет, жестокий старик был, пожалуй, даже круче нравом, нежели Никита Федорович, который в настоящее время был озабочен судьбой старшего сына Андрея, а также приездом царя обратно в столицу. Как бы то ни было, никто не станет печься об исчезновении дочери дворянина, чай, не царская девица да и не столичная боярина, кому она нужна? Да и не такая уж она и близкая родственница – подумаешь, дочь двоюродной сестры, таких у него много по всей московской волости. Алексей Елизарович потягивал чашу с вином и предавался столь дерзким мыслям, тем самым успокаивая совесть свою.

– Инь ладно! – ударил он по столу. – Раз сказал, то сделаю. Настька никакой силы не имеет, кто она вообще такая? Только не хочется мне встречаться с этим лиходеем Романом Филипповичем, этим молодым сластолюбцем, к которому каждую неделю в баню приводят новую приглянувшуюся ему девку из близлежащей деревни.

Зря волновался Алексей Елизарович, зря опасался гнева Никиты Федоровича, ибо тому стало недосуг думать о судьбе будущей невестки. Князь не очень-то жаловал выбор сына, но вслух ничего не сказал, а только на следующий же день после сватовства ускакал по делам своим, позабыв о предстоящей свадьбе. Лишь Марфа Егоровна выразила свое недовольство, оставшись наедине с Александром:

– Сын мой, послушай свою старую матушку: негоже жениться по первому порыву любви.
– Почему? – удивился тот.

– Видишь: то не любовь, но страсть к красоте девицы влечет тебя, но коль страсть быстротечна, то после свадьбы потеряешь ты интерес всякий к Анастасии своей, не любя она будет тебе. И возненавидишь ты ее, и ее, и свою жизнь погубишь. Да и красота девицы уж очень приметна: не для супружеской жизни она. В жены умный молодец выберет не глупую, но и не премудрую, не уродинку, но и не первую красавицу. Жена должна следовать на мужем и не в чем не превосходить его. Найди себе кого-нибудь попроще, не столь заметну красотой, а про любовь забудь: поживешь какое-то время в браке, привыкнешь к ней, а уж потом и полюбишь пуще прежней.

Александр при этих словах вскочил со стула, тот с грохотом упал на пол. Марфа Егоровна вздрогнула, но юноша повернулся к окну и раздраженным голосом ответил:

– Коль ты, матушка, вышла не по любви, а по тебованию родителей, то не стоит тебе рушить и мою жизнь. Запомни: никогда я не женюсь на нелюбимой. Слышишь: НИКОГДА! Не желаю полжизни положить лишь на то, чтобы постараться полюбить нежеланную мною.

– Но, Сашенька, в тебе говорит лишь молодость да горячая кровь. Остынь, у тебя есть время еще все обдумать. Не бросайся в омут с головой. Прошу тебя!

Александр резко обернулся: глаза налиты кровью, щеки пылают от гнева. Покачав головой, он проговорил:

– Оставь меня, старуха! Не лезь в мою жизнь.

Женщина медленно поднялась и опустила голову. Слова сына больно ранили ее сердце, от обиды на глазах выступили слезы. Правой рукой она смахнула катившуюся по щекам каплю. Пройдя к двери, Марфа Егоровна потянула за ручку, но, подумав какое-то время, тихо промолвила:

– Я желаю тебе счастья, сын мой. Да будет так, как ты хочешь, – и больше не глядя на него, вышла из горницы, даже дверь за собой не прикрыла.

Александр стоял в нерешительности. Он осознал, какую обиду причинил той, что любила его больше жизни, той, которая когда-то носила его на руках, ночами не спала, сидя подле его колыбельки. Теперь, когда пришла пора ответить взаимностью, он горько обидел мать, не подумав о сказанных словах. Но бежать следом за ней, упасть в ноги, попросить прощение не решился, уж слишком был горд нравом.

На следующий день Александр не остался дома вместе с матерью и братом, а ускакал с отцом якобы на охоту, но куда на самом деле поехали они, того никто не знал. Никита Федорович, весь в черном, с прицепленной собачьей головой к седлу, гнал коня что есть мочи. За ним цепочкой мчались верные Путята, Петр, сын Александр и новый соратник Каллистрат – юноша с крутым нравом. Выехав к небольшому поселению, всадники натянули поводья. Князь поставил руку козырьком, прикрываясь от солнечных лучей, ища глазами что-то на дальнем пригорке. Наконец, он заметил крышу высокого дома, что стоял в стороне от остальных доми-

шек поменьше. Мужчина гаркнул и сплюнул на землю, затем хлестнул коня и помчался дальше, оставляя за собой тучу пыли.

Вскоре они подъехали к тому самому дому, что виднелся на горизонте. Дом был окружен высоким забором, на котором выцвела и потрескалась от времени краска, двор порос травой и сорняком, а из окна доносились детские возгласы и крики. Никита Федорович по-молодецки соскочил с коня и потуже затянул кушак, поправив под ним булат в ножнах.

– Идемте, – махнул он рукой своим ступникам и первым прошел к дому, толкнув входную дверь ногой.

Первое время его глаза ничего не видели в полутемной комнате, привыкшие к яркому дневному свету. Наконец, князь заметил длинный стол, три скамьи и троих детей, что отнимали друг у друга игрушки. В углу сидела, склонившись над младенцем, худая женщина. Не сразу обратила она внимание на вошедших, не сразу расслышала посреди детского крика мужской голос. Первая подала голос девочка лет шести с беленькими косичками. Она вскочила и, подбежав к матери, воскликнула:

– Мама, смотри, дяди пришли!

Женщина резко вскочила на ноги, прижав плотнее младенца к своей груди. Тот, явно почувствовав материнский испуг, проснулся и закричал громким голосом. Остальные дети забежали в угол и спрятались за скамьи.

– Как поживаешь, хозяйюшка? – с поклоном спросил Никита Федорович, забавляясь ее испугом.

Женщина оглядела вошедших: все они были рослые и широкоплечие, от таких и не спастись.

– Грех жаловаться. Мы живы и слава Богу, – только и нашла что ответить.

Князь решительной походкой, словно был хозяином этого дома, прошел к столу и развалился на скамье. Его рука сама потянулась к кувшину и налила из него воды в кружку. Залпом осушив ее, мужчина вытер тыльной стороной ладони мокрые губы и усы, затем положил булат на стол и спросил:

– Муж-то где?

Женщина глубоко вздохнула, комок рыданий туго стянул горло. Она силилась сдержать слезы, но не смогла. Дрожащим голосом ответила:

– Был когда-то муж, да теперь не с нами, а... – не договорив, она бессильно упала на скамью и заплакала.

Четверо мужчин, загородив весь проход, смотрели на нее плачущую и усмехались: не затем сюда пришли, дабы успокаивать несчастную вдову.

– Можешь не отвечать, – махнул в ее сторону рукой Никита Федорович, – знаю, где сейчас супруг твой. А вот воротился к тебе я не спроста. Хочешь знать, почему?

Женщина вздрогнула: она узнала этот голос, узнала. Каждый раз, открывая утром глаза, она молилась, чтобы лиходей не ворочался снова к ней, но увы, должно быть, такая у нее судьба нелегкая. Чего еще им нужно? Все, что было, они забрали себе, лишив ее и детей кормильца, денег, еды. Ничего не оставили. Так что еще им нужно?

– Супруг твой некогда задолжал мне, верно говорю?

Женщина кивнула головой.

– Верно. Все, что я забрал себе, то было мое, не ваше. Теперь вопрос: почто ты, ведьма окаянная, прошение на имя мое писала, а? Думала, не узнаю об этом? Сыну моему старшему на меня жаловалась, да? Но тот и правда глупцом оказался, вместе с Иваном Семеновичем татя в дом мой прислал, да мои люди вовремя спохватились. И знаешь, что я сделал с ними со всеми? Расскажу: татя убил мой верный соратник Путята, купец оказался без жены да еще калекой, теперь подстригшийся в монахи, а Андрея я сам лично проучил. Теперь ты поняла, во что ввязалась твоя пустая голова?

Женщина вздрогнула, все ее тело покрылось холодным потом. В углу заплакали дети. Никита Федорович встал и со всей силой ударил по столу, кувшин покатился и упал на пол, разбившись в дребезги. Он одним взмахом руки подал знак своим людям и те, посмеивались стали приближаться к несчастной, у которой на руках плакал ребенок. Первым подошел Каллистрат, высокий, тонкий, молодой. Глянув на женщину, он подмигнул Путяте и проговорил:

– «Медведь», как тебе баба, а? Это по твоей части.

Путята вплотную подошел к ней, долгим пристальным взглядом оглядывал ее худое от недоедания тело, впалые бледные щеки, потрескивающие губы, длинную темную косу. Ошупав ее своими большими руками, он разочаровано фыркнул и махнул рукой:

– А, не нужна мне такая. Худая как скелет, даже пощупать нечего, да и на лицо страшна. Забирай себе, коль хочется.

Женщина при этих словах вскрикнула, прижала младенца к себе. Нет, лучше умереть, но не дать тело свое на поругание лиходеям безбожным. Никита Федорович подошел к ней и с грозным видом протянул руки:

– Отдай мне младенца!

– Нет, ни за что! Лучше убейте прямо сейчас, но ни я, ни мои дети не попадут к вам в лапы!

– Смотри-ка, как наша курочка заговорила, – с усмешкой проговорил Каллистрат, но князь даже не обратил на него внимания.

– Последний раз повторяю: отдай мне ребенка или же я убью его на твоих глазах!

При этих словах она заплакала, дрожащими руками протянув плачущего малыша Никите Федоровичу. Тот осторожно взял ребенка и передал его Александру со словами:

– Выходи во двор да смотри лялю не урони, держи крепче.

Молодой человек покорно опустил голову и брезгливо взял младенца на руки, впервые ощутив в своих руках крошечное, словно комочек, тельце. Сам князь приказал женщина и оставшимся троем детям сидеть в горнице и не выходить никуда, иначе пуля из пищали положит конец каждому, кто выйдет на подворье. Сам он вместе с товарищами покинули двор и плотно прикрыли за собой дверь, подперев ее большой палкой.

– Что теперь делать? – удивленно спросил Путята.

Никита Федорович какое-то время молча глядел обезумевшими глазами на дом, не обращаясь, приказал:

– Поджигай, мне доносчики не нужны.

Александр усмехнулся, но так, словно желал заплакать, Петр кашлянул в кулак, но ничего не сказал, и только один «медведь» довольно присвистнул и с помощью огня выжжег искру. Маленькое пламя разом метнулась по деревянным ступеням крыльца вверх, захватывая все больше и больше пространства. Затрещали бревна, из дома донеслись истошенные крики. Мужчины отбежали в стороны, дабы пламя не жгло их лица. На руках Александра заплакал младенец и задергался всем телом. Молодой человек на ухо прокричал Никите Федоровичу:

– Отец, возьми крикуна, сил больше нету!

– Погодь, сыне, не сейчас, – махнул на него рукой князь.

Разбушевавшееся пламя, подхватываемое ветром, рвануло вверх, со второго этажа посыпались осколки выбиваемых стекол, затем в раме показалась несчастная вдова. Размахивая руками, она кричала:

– Люди, помогите! Горим!

Ее трое детей – две девочки и мальчик, громко заплакали, умоляя ее сделать хоть что-то. Черный дым ворвался в комнату и обдал несчастных зловонным запахом. Женщина, не долго думая, схватила в руки самую младшую дочерку и кинула ее вниз. Девочка, пролетая, сильно стукнулась головой о бревенчатую балку и упала за земь уже мертвой, из ее разбитого лба

стружкой стекла алая кровь, зловеще блестящая на солнце. За ней спрыгнули вниз брат и сестра, но и их постигла несчастная участь – они упали прямо на горящие доски.

Постепенно огонь окутал весь дом, обломки кровли начали разлетаться во все стороны. Стены покосились и дом рухнул под тяжестью бревен, похоронив под собой четыре обугленных тела. Черный зловонный дым поднялся ввысь, улетаая все дальше и дальше к небу. Идущий по извилистой деревенской тропе крестьянин со своей бабой увидел вдалеке черный столб. Поначалу он решил, что это горит лес, но приглядевшись, он увидел, что дым поднимается на голом холме, на котором виднелось что-то наподобие забора. Крестьянка неистово перекрестилась и проговорила:

– Господи, да что же там случилось?

– Надо бы мужиков крикнуть да разобраться во всем, – ответил ей муж и ринулся к стоящий на окраине покосившимся домишкам.

Черный дым забился в рот и уши. Пятеро мужчин, прикрывая лицо от черной копоти, вышли за ворота, не желая более лицезреть страшное погребение. Александр не обращал уже внимания на плачущего младенца – перед его мысленным взором все еще мелькали тени саженных невинных людей. На отца он не глядел, хотя в душе не осуждал его за содеянное, он вообще никогда в жизни не шел против родительской воли, тем и заслужил любовь и ласку.

Никита Федорович тяжелой поступью, словно постарел на несколько лет, подошел к коню и прыгнул в седло, даже не оглянувшись ни на кого. Он тронул поводья и помчался вниз по тропе, лоя ртом свежий воздух. На душе была пустота, в носу все еще ощущался запах гари, а в ушах раздавались крики жертв, молящих о помощи.

Ветер ласково трепал гриву коня, яркое полуденное солнце ослепляло глаза, все вокруг было зеленым, по голубому небосводу плыли белые пушистые облака, только ничего это не радовало. Где-то позади оборвалась жизненная нить невинных детишек и их матери, погребенных под завалами собственного дома, а на руках сына спокойной дремал младенец. Дальний звук церковного колокола пробил еще раз и смолк, вокруг сгустилась гнетущая тишина, лишь стук копыт доносился до ушей и больше ничего. Никита Федорович почему-то резко, с какой-то неистовой яростью осадил взмыленного коня и спрыгнул на землю подле речушки. На берегу было прохладнее и потому уставший князь опустился на песок и смочил голову прохладной водой. Капли скатывались с волос и бороды, неприятно приликая к одежде, но он не обратил на это внимания. Сердце гулко стучало в груди, удары колокольчиков больно били по вискам, казалось, сама совесть теперь мучила его, не давала покоя. Никита Федорович лег на влажный песок лицом вниз, носом ощущая запах зеленых водорослей, выброшенных волнами на берег. Говорить ни с кем не хотелось, даже видеть сына не желал он. Одно было на уме: как можно скорее добраться домой, смыть с себя всю грязь и укутаться с головой под одеяло, под мягкий бок жены. Но пока до осуществления мечты было далеко, тем более, что лошади сильно устали из-за невыносимого зноя.

Легкой поступью сафьяновых сапог Александр приблизился к отцу и наклонился над ним, в его руках все еще спал младенец.

– Отец, – тихим голосом проговорил он, – отец, с тобой все хорошо?

Князь ответил не сразу, как бы сквозь пелену:

– Отстань, сын, худо мне сейчас. Дай подумать.

– Но... что делать мне?.. Что делать с этим дитем? Не оставлять же себе?

Никита Федорович заставил себя через силу подняться. Поглядев на сына снизу вверх, он глубоко вздохнул и ответил:

– Ненавистный мир! Нигде нет покоя, даже здесь, в ниши лесной. Тяжко мне, Саша, очень тяжело. Много повидал я на своем веку, но такую смерть видел впервой. Не желаю далее оставаться здесь. Быстро по коням, скачем без остановок, пока не воротимся домой.

– Но а ребенок? – не унимался молодой человек.

– Отдашь его первому встречному и забудь о том. Устал я. А тут еще и ты...

По дороге домой они увидели толпу крестьянский мужиков, шедших с косами наперевес. Мужики при виде всадников с притороченными собачьими головами, отошли с дороги и склонили головы, боясь взглянуть в их лица.

– Здорове, мужи, – обратился к ним Александр, скакавший позади остальных.

– Здраве буде, сыне, – промолвили крестьяне, не поднимая глаз.

Молодой человек наклонился с седла к самому молодому из них и передал тому сверток со словами:

– Бери младенца и найди какую-нибудь бабу-кормилицу.

– Господи, – удивился крестьянин, с трепетом беря ребенка на руки, – да чей же он, сей отрок? – и слегка пригладил детские волосики.

– Уже не чей, – ответил Александр, – сиротка несчастный. Из всех родных один остался.

Остальные крестьяне сгрудились подле сотоварища и поочередно принялись успокаивать проснувшегося ребенка. Мужик прижал дитя к себе и ответил:

– Не беспокойся, княже, мы позаботимся о нем, не оставим одного пропадать. Найдем и кормилицу, и няньку, что присмотрит за ним. Вырастим богатыря на деревенском твороге. Сироток-то мы любим.

– Дай вам Бог в помощь, – сказал юноша и тронул коня, который копытами взметнул тучу пыли.

Крестьяне перекрестили его за спиной, один из них тихо прошептал:

– Здоровье тебе, сынок.

Устало слезив с коня, Никита Федорович напрямик направился к дому, где дал необходимые распоряжения сенным бабам, дабы те растопили баньку и наполнили чарки горячей водой. Долго мылся князь, сильно тер себя мочалкой из лыка, пока на пол не закапала вода, смешанная с грязью. Обтеревшись мягким полотенцем, он почувствовал себя намного лучше, чистое тело, чистая выглаженная одежда вселили в него бодрость, в душе зародилась некая теплота, некое отчуждение от всего мира. Ему было хорошо и легко. Мысли о содеянном как-то сами по собой растворились в памяти, уступив место лишь одному желанию: разделить вечернюю трапезу с семьей и лечь спать.

Юноша в длинной рубахе до колен с засученными по локоть рукавами неистово работал на кладбище, роя четыре могилы – одну побольше, три остальные поменьше. На вид юноше было лет восемнадцать-девятнадцать, не более. Его светло-каштановые волосы, обрамляющие смуглое лицо, переливались на солнце. По впалым щекам обильно текли слезы, оставляя за собой белые следы. На земле лежали завернутые в белые простыни тела, чьи лица были скрыты толстым полотнищем. Молодой человек не чувствовал ни жары, ни усталости – всего немного лет, а уже столько пришлось вынести. В начале весны на его отца обрушилась напаля, приехали черные всадники на вороных конях, повязали несчастного и отправили в пыточную камеру, где он и скончался в страшных мучениях. Похоронили его, выдержали траурный период, поставили свечи за упокой. Потом постепенно горе стало притупляться, забываться. Еще нужно было малых детишек на ноги поставить, накормить-напоить. Оставшиеся золотые монеты берегли, особо не тратились, в закромах оставались мешки с зерном да мукой, тем и питались. У детей боярских в пору больших земельных наделов не было да и холопов тоже, приходилось все самим в поте лица добывать. Вроде жизнь стала налаживаться. Но как говорится: беда не приходит одна. Поздно вечером прискакали люди от Никиты Федоровича, насильно забрали то, что было: мешки с зерном да маленький мешочек с золотом, даже серьги и кольца у матери сняли да себе в карманы положили. Несчастливая вдова бранила супостатов что есть мочи, на детей ссылалась: как им бедным сироткам с голоду не умереть, а опричники глядели на нее и смеялись. Но даже это готова была простить женщина, только чтобы князь оставил ее семью в покое. Рано утром старший сын ее запряг единственную лошадь и поехал в сто-

лицу искать работу, дабы семью прокормить. Вдова благословила его на прощание и надела ему на шею нательный крестик, перекрестила сына и отпустила. Но не знала она тогда, что видится с ним последний раз, что встречает последнее утро в своей жизни. В обед снова приехал Никита Федорович да не один. Накричали на несчастную, что мол, жалобу на него пишет, а потом... Даже вспоминать не хочется. Воротился юноша из Москвы, а вместо дома гряда пепла да истлевшие дрова. Ринулся он с криками о помощи, хорошо, крестьянские мужики работали не подалеку, услышали его вопль и на помощь сбежались. Перерыли все, а под завалами четыре обугленных тела нашли. Молодой человек как увидел, что случилось с матерью да братом с сестрицами, так и чувств лишился. Забрали его мужики, водой родниковой окропили, дали прийти в себя. Юноша долго не мог осознать, что произошло, почему вдруг остался один: без дома, без семьи? Куда теперь ему одинокому податься? Кто его примет? Но эти вопросы не имели большого значения – он молодой, работу-то всегда найдет, а будут деньги, так и заново построиться можно. Но как оставить родных без погребения? Даже на гробы денег не было? Решил юноша сам похоронить мать, брата и сестер, сам завернул их останки в саван, сам могилы вырыл. Только боялся одного: кто прочитает над покойными молитву?

На его счастье мимо кладбища шел отец Алексей в простой рясе и черном клобуке. Упираясь на посох, седовласый владыка остановился подле юноши и позвал:

– Даниил? Ты ли это?

Молодой человек оторвался от работы и пустыми, заплаканными глазами уставился на него. Ничего не хотелось говорить в ответ.

– Даниил, – ласково проговорил отец Алексей и шагнул ему навстречу, – люди поведали мне о случившемся горе. Я искренне соболезную тебе и прочитаю над умершими молитву как требует обычай, а в храме поставлю свечи на их упокой.

– Благодарю, владыка, – дрожащим голосом произнес юноша и, наклонившись, снова принялся рыть могилу.

Отец Алексей долго смотрел на его сгорбленную спину, на пропитавшуюся потом и пылью рубаху, и в его душе родилась жалость к сему юноше, бедному сироте. Дабы хоть как-то облегчить страдания его, священник сказал:

– Помолись, облегчишь тем самым душу свою.

Даниил бросил лопату на землю и, не поднимая голову, язвительно спросил:

– Отче, это ты мне говоришь сие? Какая молитва облегчит мои страдания? Или может быть, молитва вернет к жизни родных, которых я сам своими руками хороню? Знаешь ли ты, что чувствую я сейчас, что чувствовал в тот миг, когда увидел вместо родного дома пепелище? О каких молитвах ты говоришь сейчас?

– Не говори так, сыне, не бери грех на душу. Смирением и молитвами ты найдешь покой сердца своему.

– О каком покое ты говоришь, владыка? Какой такой грех я совершил? Почему, я хочу услышать это от тебя, почему добрые люди страдают, а подлещы живут в хоромах, сытые, одетые, обутые? Почему с хорошими людьми случаются несчастья, а лиходеи, у которых руки по локоть в крови, не ведают ни страха, ни раскаяния? Что же за Бог такой, если не карает преступников и татей?

– Никто не знает ответ на сие вопросы. Но Господь милосерден и справедлив.

– Где же Его справедливость, если невинные люди страдают и умирают в мучениях, а негодяи счастливо доживают до старости в окружении семьи? Мой отец был честным человеком, добывающий хлеб тяжелым трудом. Почему тогда он умер в пытках? Моя мать была добродетельная, набожная женщина, почему ей досталась такая судьба? Посмотри, отче, на эти саваны – в них завернуты мои мать, брат и сестры. Чем они прогневались пред Господом, что заслужили такую смерть?

Отец Алексей тяжело вздохнул, тугой комок подступил к его горлу, но он силился говорить ровным голосом, сохраняя видимое спокойствие.

– Я тебе расскажу, – начал он, – жил некогда богач, одевавшийся в порфиру и виссон, каждый день пировавший. И жил нищий, который лежал у ворот богача и питался крошками со стола, и псы, проходя мимо нищего, лизали его пятки. Умер нищий и ангелы отнесли его в лоно Авраамово. И умер богач и попал в ад на вечные мучения. И увидел некогда богач, что нищий стоит подле Авраама и завопил: «Отче Аврааме! Умилосердись надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохлодил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сём». На Авраам сказал: «Чадо. Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое. Ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. И сверх того всего между нами и вами туверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к вам не переходят». Тогда сказал он: «Та кпрошу тебя отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения». Авраам сказал ему: «У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их». Он сказал: «Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются». Тогда Авраам сказал ему: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто из мертвых воскрес, не поверят».

Даниил выпрямился, прищурил глаза и, пожав плечами, спросил:

– Владыка, это ты мне сказки рассказываешь?

– Почему сказки? Это Библия.

– Да... Библия... Только я уже вырос и понимаю, что зло сие ненаказуемо. Хорошо живет лишь тот, у кого золото полные сундуки и амбары ломятся от зерна и муки. Богачи и судей подкупают, и управы на них нет. А мы, бедные, обездоленные сироты по миру скитаемся, на хлеб у паперти милостыню просим, не веря уже ни в милость Господа, ни в Его справедливость, ибо никому мы не нужны на этом свете... да и на том тоже...

– Эх, Даниил, молодой ты еще, мало в жизни поведаль. Смотрю на тебя и вижу: красив ты и лицом и статью, да и здоровьем и разумом Богом не обделен. Встанешь на ноги, заживешь, тогда горе и мытарства забудутся, а родных мы сейчас отпоем да молитвы с их именами закажем. Найдут успокоение они на том свете. В раю будут ждать тебя.

Юноша ничего не ответил, только чувствовал он, как тяжелый камень, сковывавший душу и сердце, упал, уступив место тихому горю. Поставив с помощью отца Алексея кресты на могилах, Даниил тяжелой поступью отправился в деревню, не имея представления как жить дальше. По дороге ему встретился всадник на старой лошади. Всадник свесился с седла и окриком остановил его:

– Даниил, постой. Я уже знаю, какое горе обрушилось на тебя. Но не плачь, у меня есть просьба к тебе. Зайди к брату моему, что кузницу держит, ему как раз помощник нужен, а уж хлеб и кров он тебе даст.

– Спасибо тебе, Емельян, – отозвался юноша и облегченно вздохнул – жизнь, кажется, стала налаживаться. Может быть, и прав был отец Алексей, когда рассказывал о справедливости Господне?

Жаркий май сменился прохладным, дождливым июнем. Целыми днями над землей нависали темные тучи, по ночам сильный дождь стучал в окна. Улицу и тропы утопали в лужах. Люди искали спасение в молитвах и простаивании служб в храмах и церквях, ибо знали, что неиссякаемая влага погубит только что посеянный урожай. Бог внял мольбам верующих. Через три недели дождливая погода сменилась солнечным светом и теплом, в лужах и на влажной траве весело заискрились блики лучей. Детвора, высыпавшая из домов, с криком и хохотом рванула по улицам, заполнив пространство райским щебетом.

Анастасия Глебовна, нареченная Александра, стояла в предбаннике, развязывая на шелковой рубахе длинные кисти. Зеленый, украшенный бусинами жемчуга, сарафан валялся напо-

далеку на скамье. Раздевшись, девица с наслаждением потянулась словно кошечка и открыла дверцу, из которой клубом потянулся пар. Служка молодец, подумала она, успел таки приготовить баньку. Вдыхая горячий воздух, перемешанный с паром и запахом березового веника, красавица села на скамью и прикрыла глаза, чувствуя, как тело ее млеет, на коже раскрываются поры, очищая организм от всякой скверны. Длинные, взмокшиеся волосы упали на пол. Белыми руками Анастасия связала жгутом толстые пряди и скрепила их на затылке тугой заколкой, дабы они не мешали поту течь по спине. Постепенно дремота от горячего воздуха и безмятежность взяли ее сознание в свои цепи. Девушка легла на скамью и с блаженной улыбкой припомнила последние дни ее жизни. После одобрения сватовства она по-настоящему почувствовала себя поистинне счастливым человеком. Будучи в некотором роде строптивницей, девушка на сей раз стала слушаться свою добрую, старую нянюшку, которая то и дело советовала ей как можно больше есть, дабы приобрести женственные формы и румянец. Теперь-то она знала, для чего старушка это все говорила: жена должна быть упитанной и сильной, дабы вынести и родить здорового ребенка, а ежели она худа и бледна, какой прок от нее? Каждое утро под пение птиц няня будила свою подопечную, принося в ее горницу только что испеченные пироги с медом да яблоки наливные. После завтрака, умывшись и переодевшись в чистую одежду, Анастасия вместе с кормилицей шли гулять по саду, дышать чистым воздухом, взирать на голубое небо, срывать мелкие цветочки и потом плести из них венки. Глеб Михайлович дал дочери некоторую свободу, ограничив ее при этом от внешнего мира, от простолюдинов и холопов. Часто, когда никто не видел, затворница припадала лицом к забору и сквозь высокие ставни глядела в незнакомый, закрытый для нее мир: там сновали туда-сюда люди – мужчины, женщины, молодые девицы в простых сарафанах и платочках, юноши в потертых штанах, дети, но все они не видели ее, не знали, что там, за тем забором спрятана прекрасная сербалинка, райская птичка, заточенная в золотую клетку. Даже если бы они знали про нее, что она для них: дочь дворянина, чья судьба определялась отцом и законом власти. То было днем, а вот вечером, когда на землю спускались сумерки и в небе появлялись звезды, девушка подходила раз за разом к той яблоне, где произошла их тайная встреча с Александром. Вспоминая об этом, красавицу бросало то в жар, то в холод, учащалось дыхание, замирало сердце от сладостных мечтаний вновь оказаться в объятиях любимого, вновь почувствовать его теплоту, его сильные руки, с такой нежностью ласкающих ее тело. Вновь и вновь возвращаясь к греховным мыслям, Анастасия блаженно улыбалась куда-то вдаль, словно чувствовала, что желанный ее где-то рядом, пусть мысленно, но рядом. Так сроднившись со своей страстью, она уже на яву слышала его приближающиеся шаги, слышала его взволнованное дыхание, ощущала прикосновение его горячих рук. Не в силах более сдерживать себя, девушка поднялась со скамьи и крикнула: «Саша, где же ты?»

И вдруг не в мыслях, а совсем рядом, в предбаннике, раздались чьи-то торопливые шаги, потом дверь резко открылась и на пороге предстал ничуть не смутившийся Алексей Елизарович, в его руках была одежда Анастасии.

– А я вовсе и не Саша, моя дорогая крестница, – проговорил мужчина и медленно стал приближаться к ней.

Девушка закричала. Вскочив с места, она рванула на себя полотенце, дабы прикрыть свою наготу. Крестный ее, огромный, с большими руками, приблизился к ней, поглядел сверху вниз и как-то странно, не по-доброму улыбнулся. Анастасия задрожала всем телом, к горлу подступил комок. Она хотела кричать, бежать куда-то, но ее словно кто-то держал, не давал сдвинуться с места, кто-то невидимый сжал ее рот. Алексей Елизарович какое-то время стоял в нерешительности, но в последний миг резко схватил за край полотенца и сбросил его на пол. Девушка, оставшись без ничего, попыталась было прикрыть срам ладонями, но и это не дали ей сделать. Мужчина бесцеремонно взял ее за подбородок и покрутил голову туда-сюда, желая

разглядеть что-то, затем приподнял губы и долго всматривался в зубы – так на рынке выбирают лошадей.

– Встань прямо, опусти руки и не шевелись, – приказал он крестнице, та покорно подчинилась, из ее глаз брызнули слезы.

Алексей Елизарович долго и сладострастно блуждал по ее стройному, белокожему телу, его крепкие руки то сжимали неистово, то разжимали ее грудь с красными сосками, потом его персты опустились ниже к талии и бедрам. Что-то бормоча себе под нос, он силком толкнул племянницу на скамью и рывком раздвинул ей ноги. Анастасия не шевелилась, в её голове мелькнула страшная мысль, от которой она чуть не потеряла сознание, но у Алексея Елизаровича на уме было совсем иное: он долго и пристально всматривался в ее тайну, его мозолистые шероховатые руки какое-то время бродили в том месте, что между бедер, но в конце он выругался и сдвинул ноги девицы обратно. Красавица оставалась лежать неподвижно, боясь показать признаки жизни, но мужчину это не смутило. С каким-то презрением он бросил прямо ей в лицо сарафан и хрипло приказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.